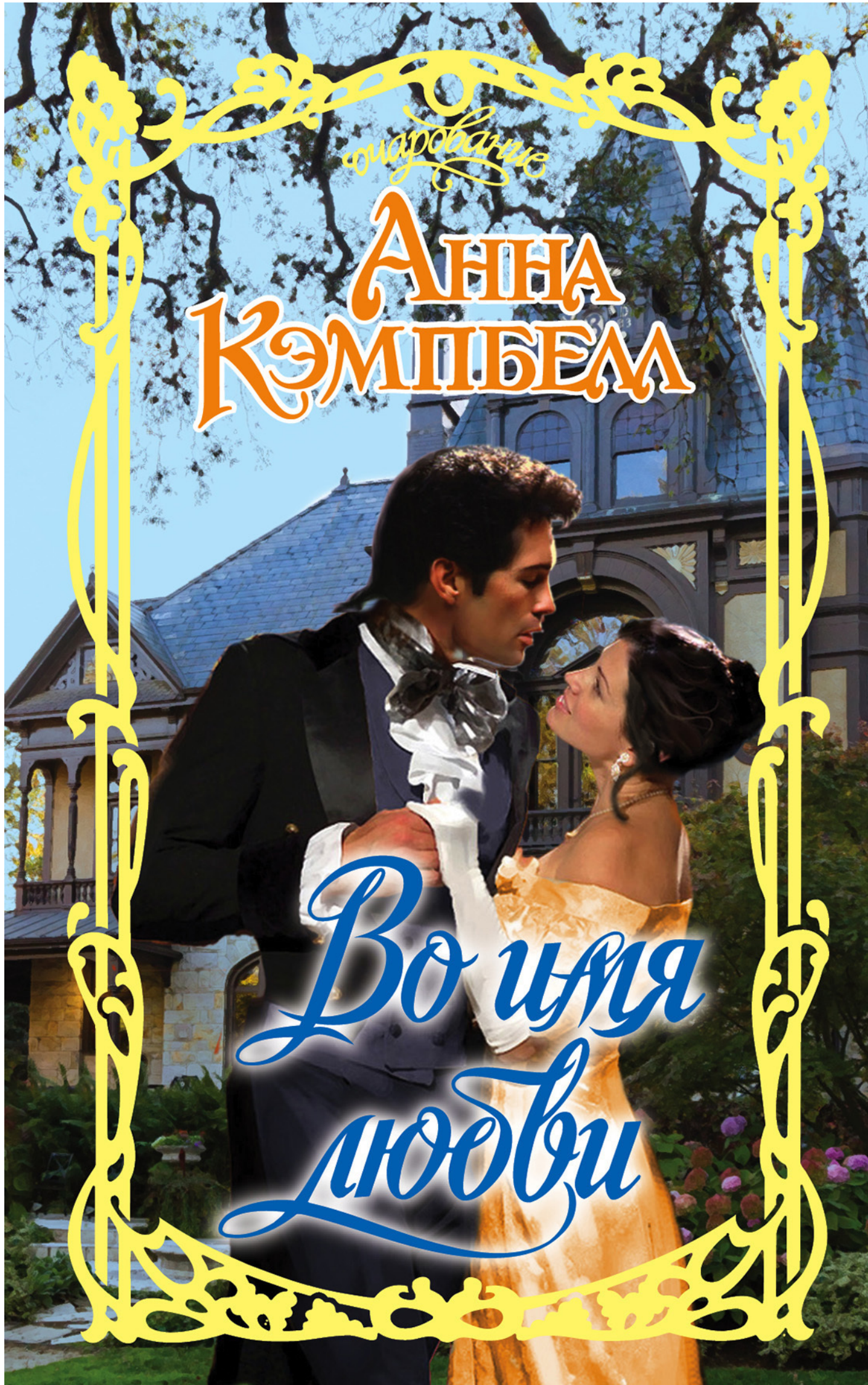

маршанце

АННА КЭМПБЕЛ

Во шня
любви

Очарование (АСТ)

Анна Кэмпбелл

Во имя любви

«АСТ»

2012

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Кэмпбелл А.

Во имя любви / А. Кэмпбелл — «АСТ», 2012 — (Очарование (АСТ))

Безупречный джентльмен Кэмден Ротермер, герцог Седжмур, долгие годы посвятил тому, чтобы очистить семейное имя, запятнанное погрязшими в скандалах родителями. Однако встреча со своенравной и необузданной подругой детства Пенелопой Торн нарушает спокойное течение его жизни. Обстоятельства вынуждают их заключить фиктивный брак. Но Кэмден бежит от любви как от огня, в то время как Пенелопа не мыслит жизни без нее. Чем закончится противостояние двух сильных личностей? И осмелится ли Кэмден, давно тайно влюбленный в Пенелопу, признаться в своих чувствах?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Кэмпбелл А., 2012
© АСТ, 2012

Содержание

Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	41
Глава 8	49
Глава 9	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Анна Кэмпбелл

Во имя любви

Anna Campbell
WHAT A DUKE DARES

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Nancy Yost Literary Agency и Andrew Nurnberg.

© Anna Campbell, 2012
© Перевод. Е. А. Ильина, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Пролог

Хотон-Парк, Линкольншир, май 1819 года

Каждая молодая леди мечтает о том, чтобы ее руки попросил герцог, особенно – если обладатель этого титула богат, не лишен ума и настолько молод, что еще не потерял ни одного зуба.

Каждая молодая леди мечтает о подобном, – но только не Пенелопа Торн.

Стоявший посреди библиотеки Кэмден Ротермер, маркиз Пембридж, смотрел на девушку, которую знал с колыбели, и раздумывал о том, в чем именно он совершил ошибку. Расправив плечи, Кэмден улыбнулся – попытался хоть как-то сгладить неловкость.

Проклятье! Ведь в обществе Пенелопы Торн он прежде никогда не испытывал неловкости. До этой самой минуты. Пока с его губ не сорвались судьбоносные слова.

Ибо вместо того чтобы излучать радость от перспективы грядущего замужества, карие глаза Пен вспыхнули мятежным огнем, не предвещавшим ничего хорошего.

– Почему? – Уже не в первый раз за последние несколько часов она задавала Кэмдену этот вопрос.

Глупо конечно же, но Кэм никак не мог придумать вразумительный ответ. И в подобной ситуации он оказался по собственной вине. Зная Пен так, как знал ее он, следовало запастись целым списком веских причин, объясняющих выгоду предстоящего брака для них обоих.

И вот теперь Кэмден ужасно сожалел о том, что вообще затронул эту тему. Но отступить было поздно – слишком поздно! – если он хотел сохранить хоть каплю самоуважения.

– Черт возьми, Пен!.. Потому что ты мне нравишься, – ответил, наконец, Кэмден. И он не кривил душой. Его отношения к Пен не смогло изменить даже ее совершенно необъяснимое и возмутительное поведение. На всем свете не было девушки, которая нравилась бы ему больше, чем та, что сейчас взирала на него так, словно увидела какое-то чудовище.

Кэмден знал ее лучше кого бы то ни было. Знал даже лучше, чем свою сестру Лидию. Когда-то он выручал Пен из множества передраг – ведь девочкой она ни минуты не могла усидеть на месте. Выбирала для верховых прогулок самых необузданных жеребцов из отцовской конюшни, забиралась на самые высокие деревья в парке и ввязывалась в драки – чтобы защитить друга или какое-нибудь животное. Кэм всегда восхищался ее силой духа и смелостью.

Именно такими качествами, по его мнению, должна была обладать будущая герцогиня. Но бунтарский дух Пен следовало усмирить, и Кэм готов был обучить ее благопристойному поведению. Ведь все-таки она – Торн, а Торны славились благоразумием. Да, Пен была импульсивна, но вместе с тем и очень умна. И Кэм был уверен, что она, став герцогиней Седжмур, непременно остепенится.

То есть он был уверен в этом до тех пор, пока не столкнулся с весьма холодной реакцией Пен на предложение руки и сердца.

– Ты мне тоже нравишься, – сказала она с невозмутимым видом. Увы, интонация, с которой были произнесены эти слова, нисколько не обнадеживала.

Пытаясь сохранить самообладание, Кэм сделал глубокий вдох и проговорил:

– Тогда в чем же дело?..

Пен рассмеялась, и в ее смехе прозвучали совершенно незнакомые ему горькие нотки. Кэму ужасно не хотелось так думать, но стало ясно, что перед ним замаячила весьма реальная перспектива потерпеть фиаско. Пен была умна, решительна, своевольна – впрочем, последнее качество он собирался искоренить – и неизменно оптимистична, но вот теперь... Откуда же взялась горечь, прозвучавшая в ее смехе? Такого он раньше за ней не замечал. И он нисколько не сомневался в том, что Пен согласится стать его женой.

Очевидно, он ошибался. А он не привык ошибаться. И ему, черт возьми, все это совсем не нравилось...

Голос Пен звучал на удивление ровно.

– Спрашиваешь, в чем же тогда дело? – переспросила девушка. – Ох, извини, Кэм. Придумай что-нибудь еще. Поубедительнее. – Сидя у высокого многостворчатого окна, она взирала на него словно учительница на бесперспективного ученика.

Кэмден же с трудом удерживался от желания ослабить галстук, ставший вдруг невероятно тугим. «О, Господи, но как же так?! – мысленно воскликнул он. – Ведь это же Пен!.. Она не из тех женщин, которые подвергают испытанию чувства мужчин. И она никогда не потребует больше, чем мужчина может дать. К тому же никогда не солжет и не предаст».

Кэм невольно вздохнул. Он не привык чувствовать себя болваном, особенно – в обществе представительниц прекрасного пола. Его нельзя было назвать слишком тщеславным, но все же он ожидал совсем иной реакции на свое предложение. Он-то думал, что Пен будет вне себя от радости, когда узнает, что ей представилась возможность стать герцогиней, – но она определенно не радовалась. Хотя должна была... В конце концов, эта девушка – всего лишь дочь барона, обедневшего к тому же... В то время как он, Кэм, наследник одной из богатейших семей Англии.

Являясь представителями весьма древнего рода, Торны всегда славились своей не слишком безупречной репутацией. В годы политической нестабильности они частенько принимали не ту сторону. Если же им удавалось заполучить хоть сколько-нибудь серьезную денежную сумму, они непременно теряли все до последнего пенни и зачастую оказывались замешанными в сомнительных и даже компрометирующих историях. Слова «вино, женщины и карты» вполне могли бы стать их семейным девизом. Только вот девиз этот никак не вязался с такими понятиями, как стабильность и надежность.

Предыдущее поколение Торнов представляло собой целую плеяду весьма эксцентричных личностей – чего стоил один лишь дядюшка, женившийся на собственной экономке и оказавшийся впоследствии двоеженцем! А лорд Уилмот, отец Пен, промотал приданое жены, растрачивая деньги на продажных женщин. Тетка же сбежала на континент в компании беспутных друзей. А Питер, друг Кэма и нынешний наследник титула, обожал проводить время за карточным столом и вкладывать деньги в заведомо убыточные предприятия. И если бы мать Кэма не дружила с леди Уилмот, то эти два семейства не имели бы ничего общего.

Но почему же Пен не приняла его предложение?... Ведь в детстве она готова была целовать землю, по которой ступал ее старший приятель... Неужели он сглупил, сделав ставку на детское обожание? А может быть...

Внезапно у Кэма зародились ужасные подозрения. И действительно, может, он переоценил собственную значимость? Да, конечно, в обществе его боготворили как будущего герцога Седжмура и закрывали глаза на скандальное поведение его родителей. Но неужели нескончаемая лесть превратила его в самодовольного осла?

И если Пен тоже считает его высокомерным, то неудивительно, что его предложение встретило столь прохладный прием.

Невольно поморщившись, Кэм провел ладонью по волосам и со вздохом спросил:

– Я все испортил, да?

Пен заметно расслабилась, и губы ее растянулись в улыбке – восхитительно розовые и пухлые, они были созданы для поцелуев.

Кэм невольно вздохнул. «Но почему же я не замечал этого прежде?» – спрашивал он себя. Наверное, он слишком привык к ней – потому и не обращал внимания на происходившие с ней перемены. Ему ужасно не хотелось это признавать, но Пен уже не была той шаловливой девчонкой, которую он знал прежде. Как ни странно, но он только сейчас заметил, что его веселая и беззаботная подруга внезапно превратилась в красавицу-незнакомку. Но еще боль-

шее смятение в душе Кэма вызвало то обстоятельство, что он внезапно ощутил совершенно неожиданный прилив вожделения.

– Вот именно, все испортил, – кивнула Пенелопа. – Но в этом – не только твоя вина. – С грацией, которой Кэм прежде у нее не замечал, она указала на кожаные кресла, стоявшие подле холодного камина. – Сядь, ради всего святого. И не нависай надо мной.

Вообще-то Кэм и не думал «нависать»... Но с его ростом действительно иногда казалось, что он нависал над окружающими его людьми. Что же касается Пенелопы... Хм... он всегда относился к ней как к проказнице, больше походившей на мальчишку, чем на девочку. Но сейчас вдруг выяснилось, что в этой красивой молодой женщине, сестре Питера, не было ничего мальчишеского. После их последней встречи – а Кэм, будучи не самым страстным ее поклонником, уже не помнил, когда именно она произошла, – Пен заметно повзрослела. Ее худощавая фигура обрела вполне заметные и весьма соблазнительные округлости, а живое немного заостренное личико, прежде казавшееся слишком большим для тщедушного тела, теперь поражало своей утонченной красотой. И еще волосы... Интересно, когда же это Пен удалось укротить свою непослушную гриву, превратив ее в каскад блестящих эбонитовых локонов?

В душе Кэмдена зародились мрачные предчувствия. Эта новая Пенелопа... Она вдруг представилась совершенно непостижимой и недоступной... Мысленно выругавшись, Кэм внимательно посмотрел на прекрасную сирену, внезапно появившуюся на месте сорвиголовы, не уступавшей в лихости ни одному мальчишке. И теперь он окончательно понял: перед ним была женщина в самом расцвете своей красоты – женщина, заставляющая мужчин совершать глупости.

Пример отца убеждал Кэма, что ни в коем случае нельзя брать в жены красавицу, так как это непременно приведет к катастрофе. Кэм с детства помнил сплетни о романе его матери с младшим братом собственного мужа, и теперь никто точно не знал, кто же являлся его настоящим отцом, хотя конечно же официально он считался Ротермером и, следовательно, сыном герцога.

Когда-то, давным-давно Кэм твердо решил взять в жены женщину, которая станет ему другом, а не предметом восхищения самых отъявленных лондонских повес. Да-да, ему требовалась жена, способная восстановить доброе имя семейства Ротермеров!

Домыслы о его происхождении преследовали Кэма с самого детства. Школа же стала для него сущим адом, и несмотря на все попытки Кэмдена сделать вид, будто шепот за спиной его совершенно не волновал, всякий раз при упоминании его имени начинались разговоры о том, что он – незаконнорожденный. Будь он проклят, если допустит, чтобы его собственные сыновья испытывали подобные мучения.

Тут Кэм напомнил себе, что сейчас перед ним стояла храбрая и честная Пенелопа Торн, готовая ради спасения котенка подраться с мальчишкой вдвое выше ее ростом. Однако, глядя на нее сейчас, он никак не мог представить себе девчонку, принимавшую участие в многочисленных шалостях. Нет, он видел перед собой женщину, за внимание которой будут драться другие мужчины. Женщину, которая, вероятно, не устоит перед соблазном, – как в свое время не устояла его мать. Цветущая пышным цветом красота Пен заставляла Кэмдена желать ее, – вот только это сводило на нет все его надежды на спокойную семейную жизнь...

Чувствуя легкое головокружение, Кэм опустил в кресло, а Пен заняла другое. Господи всевышний! И когда это в ней появился этот лоск, это изящество?... И где находился он сам, когда с Пен случилось такое превращение? В свои девятнадцать Пенелопа немного припозднилась с первым выходом в свет, но Кэмден был уверен, что она произведет настоящий фурор. Она войдет в танцевальные залы Лондона на этих изящных длинных ногах подобно грациозной тигрице, шествующей в окружении прекрасных бабочек.

– Я ценю тот факт, что ты решил исполнить волю наших матерей, – проговорила девушка. – Ведь они всегда желали нашего союза. – Кэму были до боли знакомы эти серьезные

нотки в голосе Пен, и все же его не покидало ощущение, что он взлетел высоко в воздух... и приземлился в какой-то совершенно другой стране. – Но давай будем реалистами. Ведь я тебе не пара.

Хотя дурные предчувствия подсказывали, что Пен, возможно, права, ее отказ уязвил гордость Кэмдена.

– Но мы же знаем друг друга настолько хорошо...

– Именно поэтому из нашего союза не получится ничего хорошего, – перебила красавица.

– Но почему?..

Губы Пен дрогнули, и она со вздохом ответила:

– Ты повторил вопрос, который я хотел адресовать тебе. Кэм, тебе нужна жена, обладающая достоинством и умеющая вести себя в обществе – то есть настоящая герцогиня. Ты, должно быть, позабыл, как вытаскивал меня из различных передрыг.

– Ты еще слишком молода, и тебя можно обучить, – произнес Кэм, прежде чем успел осознать, что подобные слова, скорее всего, еще больше оттолкнут Пен. Обычно он говорил правильные вещи, но эта встреча напрочь лишила его самообладания.

Лицо Пенелопы тотчас же приобрело ледяное выражение.

– Я не собачка, чтобы прибегать к тебе по первому свистку, – заявила она.

Кэмден тяжело вздохнул.

– Ты прекрасно знаешь, что я не этого жду от своей супруги.

– В самом деле? – Пенелопа вскинула брови. – Но ты ведь всю жизнь посвятил тому, чтобы быть выше своих родителей. Ты никогда не делал тайны из своего стремления никогда больше не позорить имя свое семьи.

Кэм едва не заскрежетал зубами. Разговоры о грехопадении матери приводили его в ярость.

– Пен, я бы не хотел сейчас говорить об этом.

– Хочешь ты этого или нет, но подобные разговоры всегда сопровождали каждый твой шаг, – возразила девушка.

Кэм поморщился и пробурчал:

– И все-таки... давай поговорим на другую тему.

– Если ты о своем предложении, – то не стоит. От меня у тебя будут одни лишь неприятности.

– Ты ошибаешься, Пен. Из тебя получится превосходная герцогиня.

– Нет, это ты ошибаешься. Я слишком независима, чтобы стать чьей-либо герцогиней, тем более – твоей.

– Ты сможешь измениться, – со вздохом пробормотал Кэмден. Зря он не выпил тот стакан бренди, что предлагал ему лорд Уилмот. Кэм не привык принимать отказы, да еще – столь решительные. Но где же его знаменитая уверенность в себе?

– Наверное, смогла бы, если б захотела, – ответила Пен. – Но я не хочу меняться. И зачем тебе, Кэм, прибавлять скандалы в твоей семье к скандалам моей? Ведь в итоге ничего не изменится, и сплетни будут преследовать нас до конца жизни. Не обижайся, но я говорю то, что думаю. Поверь, женившись на мне, ты станешь предметом сплетен и всевозможных пересудов и в конце концов возненавидишь меня.

– Но ты, Пен, единственная, кого я всегда представлял в роли своей жены. Еще мальчишкой я принял решение на тебе жениться, – заявил Кэм. – И не забывай: наши семьи всегда желали, чтобы я сделал тебя своей герцогиней.

Пенелопа тихонько вздохнула и, криво усмехнувшись, ответила:

– Прости, Кэм, но впервые в жизни твои ожидания не оправдались. И знаешь... Ведь ты меня не любишь.

Кэмден вздрогнул – и замер в изумлении. Черт побери! При чем здесь любовь?! Ведь Пенелопа слишком умна, чтобы говорить о таких глупостях!

– Пен, я очень тебя ценю. Более того, я восхищаюсь тобой и наслаждаюсь твоим обществом. Ты знаешь поместье Фентонуик как свои пять пальцев. И ты прекрасно знаешь меня, поэтому...

– Все это очень хорошо, Кэм, – перебила девушка с грустной улыбкой, – но я не выйду замуж без любви.

Кэмден не выдержал и, вскочив на ноги, заявил:

– У нас у обоих перед глазами пример родителей, заключивших брак по любви. В результате этой самой любви мой отец превратился в жестокого тирана, а мать стала олицетворением распутства. Прости, что говорю это, но твои родители не лучше. Неужели все это до сих пор не убедило тебя в том, что дружба и уважение являются более прочным фундаментом для брака, нежели мимолетная плотская страсть?

– Сомневаюсь, что наши родители понимали, что такое настоящая любовь. – От переполнявших Пенелопу эмоций ее голос звучал глухо и надрывно, что еще больше убеждало Кэмдена в том, что фиаско неотвратимо. – Ведь настоящая любовь предполагает жертвенность и самоотречение – то есть каждый из супругов должен быть готов пожертвовать собой ради счастья второй половины.

– Ты идеалистка! – в негодовании воскликнул Кэм.

– Да, Кэм, я такая. – Пен медленно поднялась с кресла и, посмотрев на собеседника с каким-то странным и загадочным выражением на лице, тихо добавила: – Я считаю, что любовь делает жизнь полной и значимой. Никто не должен вступать в брак без любви. А ты, Кэм, еще слишком молод для того, чтобы остепениться и завести семью.

Кэмден с трудом держал себя в руках. Он редко впадал в гнев, но в данный момент ему ужасно хотелось запустить в стену одну из китайских фарфоровых собачек эпохи Мин, украшавших каминную полку.

– Вообще-то мне уже двадцать семь, – пробурчал Кэм.

Пенелопа фыркнула и заявила:

– А мне – всего девятнадцать. И уж я-то точно слишком молода для второсортного брака.

– Сомневаюсь, что брак с герцогом Седжмуром можно назвать второсортным, – холодно заметил Кэмден. «Куда же делась подруга моего детства?» – в отчаянии спрашивал он себя.

Пен тихо вздохнула и так же тихо проговорила:

– Можно, Кэм. Если герцог предлагает одну лишь привязанность, – то можно.

Кэмден сделал глубокий вдох и шумно выдохнул. В данный момент ему оставалось лишь надеяться, что Пенелопа не заметит его возбуждения. В противном случае унижение было бы окончательным...

– Ты бы предпочла, чтобы я солгал?! – прорычал он.

Девушка поморщилась и со вздохом ответила:

– Даже если бы ты солгал, я не поверила бы тебе, Кэм. Я знаю тебя очень давно, и мне прекрасно известно, что такое понятие как любовь для тебя просто-напросто не существует.

Кэмден пытаясь говорить как можно спокойнее – гневные нотки лишь отпугнули бы Пенелопу:

– Пен, но подумай о преимуществах...

Девушка выпатила подбородок и с вызовом в голосе заявила:

– В данный момент я не вижу ни одного – помимо богатства, конечно же.

Не в силах сдержаться, Кэмден стремительно поднялся с кресла и гневно взглянул на девушку. А она взглянула на него с усмешкой и, не выказав ни малейшего испуга, проговорила:

– Не стоит напускать на себя столько важности, Кэм. Этот взгляд перестал производить на меня впечатление еще до твоего отъезда в Итон.

Пенелопа прошла по комнате и коснулась каминной полки. Заметив, как дрожали ее пальцы, Кэмден вдруг понял: несмотря на внешнее спокойствие, она сильно нервничала. Но разве могло быть иначе? Ведь Пен всегда принимала все слишком уж близко к сердцу... Сколько раз он заставлял ее в слезах после того, как братья намеренно задевали ее за больное. Но при этом Пенелопа Торн была чрезвычайно гордой – еще одно превосходное качество для настоящей герцогини...

Но, увы, очевидно, она не станет его герцогиней. Что ж, не только Пен обладала гордостью. Смерив девушку высокомерным взглядом, Кэмден холодно проговорил:

– Надо полагать, ты мне отказываешь, не так ли?

Костяшки пальцев, теперь уже вцепившихся в каминную полку, заметно побелели. Однако в остальном Пенелопа даже бровью не повела.

– Да, отказываю. – Она немного помолчала. – Но я ценю твою снисходительность.

Ложь была настолько очевидной, что при других обстоятельствах Кэмден непременно рассмеялся бы. Только вот уязвленное самолюбие напрочь лишило его чувства юмора. Ослепленный гневом, он коротко кивнул и проговорил:

– В таком случае, мисс Торн, не смею более претендовать на ваше драгоценное время. Всего наилучшего.

Что-то очень похожее на боль промелькнуло в карих глазах девушки, но Кэмден сейчас был слишком зол, чтобы думать об этом.

– Кэм... – Пенелопа шагнула к нему.

– Всего вам доброго, мадам. – С этими словами Кэмден развернулся на каблуках и вышел за дверь.

Провожая его взглядом, Пен мысленно твердила: «Я поступила правильно, я поступила правильно...» Но она конечно же в это не верила. И чувствовала себя отвратительно – на душе было гадко, как если бы она проглотила жабу.

Колени подкашивались, и Пен вцепилась в каминную полку, чтобы не упасть. Увы, ничто не могло изменить беспощадную реальность. Было совершенно очевидно: Кэм ее не любил и никогда не полюбит. Ничто в их сегодняшнем разговоре не указывало на обратное.

Когда-то, будучи глупой девчонкой, она мечтала о том, чтобы он потерял голову от любви к ней. Да и какая девочка, жившая по соседству с великолепным наследником семейства Ротермер, не мечтала бы о будущем, похожем на сказку? Тем более что мать Пенелопы всячески потворствовала подобным мечтам...

Но все это было до того, как Пен выросла и осознала суровую правду жизни. Правду, которая открылась ей в возрасте шестнадцати лет. Однажды летом, гостя в поместье Фентоник, она подслушала, как Кэм обсуждал со своим лучшим другом Ричардом Хармзуортом способы отвадить обхаживавшую его великосветскую молоденькую красотку. Когда же Ричард заговорил о том, насколько смехотворна ее влюбленность, Кэм резко его оборвал, заявив, что это – еще одна причина, по которой ему необходимо отвадить эту юную леди. И сказал он потом буквально следующее:

«Любви и романтике нет места в моей жизни – ни сейчас, ни потом, старина. Пусть другие остаются в дураках. Уж я-то видел, сколько неприятностей причинило это тлетворное чувство. Любовь заманивает человека в западню, чтобы наполнить его жизнь горечью и предательством. Я никогда не женюсь на женщине, рассчитывающей на мою любовь».

Даже сейчас к горлу Пен подкатывала тошнота при воспоминании о том самоуверенном заявлении Кэмдена. Сначала она надеялась, что это была просто бравада, но в последующие три года Кэм только и делал, что доказывал свое твердое намерение избегать романтических переживаний. И даже в общении с самыми близкими ему людьми он не раскрывал свою душу до конца. С годами же эта отчужденность стала лишь заметнее.

Кэмден Ротермер был богат, красив, умен, благороден и смел. К тому же – абсолютно независим. Но все же Пен молилась о том, чтобы он оставил без внимания попытки своей матери женить его на дочери лучшей подруги. Но тот, увы, считал своим долгом сделать Пенелопе предложение. При этом он совершенно не скрывал, что его интерес к ней не имел ничего общего с нежностью и любовью...

Если бы Пенелопа заметила хоть малейший намек на романтические чувства со стороны Кэмдена, она попыталась бы измениться и стать той женщиной, которую ему хотелось бы видеть в роли будущей герцогини. Но она прекрасно знала Кэма и не обманывалась на его счет. Ему не нужен был брак по любви, а ей – без оной.

«Но что же делать, что делать?..» – спрашивала себя девушка, прекрасно понимая, что семья ждала известий о помолвке. А ее отказ принять предложение самого завидного жениха в королевстве вызвал бы среди родственников настоящий переполох. Именно поэтому она сейчас никак не могла предстать перед разъяренной матерью.

«А может, заплакать?» – подумала девушка, но тотчас же отказалась от этой идеи. Ведь если она прольет хоть слезинку, расспросам и укорам не будет конца; ее мать всегда была уверена, что женские слезы – всего лишь уловка. И конечно же ей и в голову не пришло бы успокаивать дочь.

Пен судорожно сглотнула и поспешила к окну, выходившему на подъездную аллею. Как раз в этот момент Кэм вскочил на своего восхитительного гнедого. Но он не оглянулся, чтобы посмотреть на ее окно. Да и с чего ему оглядываться? Он ведь стремился как можно скорее убраться отсюда... Для славившегося своей сдержанностью человека он сегодня был как никогда близок к тому, чтобы выйти из себя.

Удивительно! Пенелопа даже представить себе не могла, что ему настолько небезразлична судьба их союза. И если уж честно, то она вообще не могла представить, чтобы Кэма что-то могло задеть за живое.

А ведь он ожидал, что она без колебаний примет его предложение – пусть даже она совершенно не подходила ему ни по одному из параметров... кроме одного: Пен точно знала, что будет любить его до конца своих дней.

Глава 1

Кале, Франция, январь 1828 года

В унылые предрассветные часы, знаменующие окончание ночи, огарок свечи тускло освещал убогую комнату захолустной гостиницы. Ветер, громыхавший плохо подогнанными рамами, приносил с моря скрип пришвартованных в гавани кораблей и зловоние протухшей рыбы. А лежавший на узкой кровати задыхавшийся человек судорожно хватал ртом воздух.

Кэмден Ротермер, герцог Седжмур, со вздохом наклонился, чтобы взбить подушки под головой своего умирающего друга. Когда Кэм опустился на стул рядом с кроватью, Питер Торн открыл глаза. Хотя они с Питером почти не общались на протяжении многих лет, Кэм знал о многочисленных неудачах друга. Торны славились разгульным образом жизни, так что старший сын и наследник, проигравший все свое состояние, был далеко не худшим представителем этого семейства.

Кэм прибыл в Кале несколько часов назад и сразу же приехал сюда. Застав у друга доктора, он расспросил его о состоянии больного, и утомленный французский медик не стал лгать и выложил все начистоту.

Сначала Питер пребывал в состоянии, близком к бессознательному, но сейчас взгляд его казался вполне осмысленным. Лицо больного было ужасно изможденным – глаза же глубоко провалились в темные глазницы, – и Кэму казалось, будто он видел перед собой не человека, а скелет.

– Ты... приехал, – с трудом произнес умирающий – и зашелся в надрывном кашле.

Герцог поспешно подал другу воды в щербатой чашке. Торн приподнялся, сделал глоток и снова откинулся на подушки.

– Конечно, я приехал. – Боль и гнев сдавили грудь Кэма. Питер был его другом по детским играм, а потом частенько составлял ему компанию во всевозможных университетских проказах. Будучи ровесником Кэмдена, он в свои тридцать пять был еще слишком молод, чтобы умереть.

– Я не был в этом уверен, – пробормотал Питер и снова закашлялся.

– Но мы ведь всегда были друзьями... – заметил Кэмден.

– Да, с детства, – прошептал в ответ Питер. – Хотя сегодня ты пожелаешь, чтобы я побыстрее отправился к дьяволу.

– Нет, никогда, – решительно заявил Кэм.

– Не... зарекайся. – Питер закрыл глаза, и герцогу на мгновение показалось, что друг провалился в сон. Доктор сказал, что конец близок и, скорее всего, наступит грядущей ночью. Увы, при виде бескровного и заострившегося лица больного сомневаться в таком вердикте не приходилось.

Подумав об этом, Кэм горестно вздохнул. Он никогда не был религиозен, но сейчас стал невольно шептать молитву. Он молил Всевышнего о быстром конце для своего друга.

– Мне нужна твоя помощь, – прохрипел Питер, и его пальцы, сейчас походившие на паучьи лапы, судорожно вцепились в натянутое до подбородка ветхое одеяло.

Если бы Кэм считал, что это хоть как-то поможет Питеру, он тотчас же перевез бы его в лучшую гостиницу города. Но даже без предупреждения доктора было ясно, что часы друга сочтены. И попытка перевезти его в другое место лишь доставила бы ему лишние страдания.

– Я о Пен... – задыхаясь, добавил Питер.

Кэмден невольно вздрогнул; у него тотчас же возникло ощущение, что он знал, о чем пойдет речь.

– О твоей сестре? – переспросил он осторожно.

– Конечно, о моей проклятой сестре, – в раздражении ответил Питер и в очередной раз закашлялся.

Просунув руку под спину друга, Кэмден поддерживал его во время приступа. Потом тихо сказал:

– Доктор оставил настойку опия.

– Нет-нет, я не хочу спать. – Питер сделал вдох и поморщился; было очевидно, что он ужасно страдал. – Скоро выплусь вдоволь, – добавил он хриплым шепотом. Немного помолчав, он сообщил: – Пен в беде, и ей нужна помощь. – Питер нащупал руку друга и сжал ее с удивительной для его состояния силой. Но пальцы были невероятно холодны – словно жизнь уже покинула его тело.

Кэмден насторожился. Он не видел Пен целых девять лет – не видел с того самого дня, когда она отклонила его предложение. Единственное предложение, как оказалось впоследствии. «Что ж, если эта девица в беде, то, очевидно, она этого заслуживает» – промелькнуло в голове у герцога.

– Уверен, что она попадала в переделки и раньше, – сказал он, пожав плечами.

Пенелопе Торн так и не представилась возможность блеснуть в обществе, и она, присоединившись к своей эксцентричной тетке, отправилась на континент, где и оставалась долгие годы. Пен не вернулась в Англию даже после того, как пять лет назад ее родители погибли – их экипаж попал в катастрофу. Кажется, в это время она находилась в Греции.

Кэмден с огромной неохотой признавал, что отказ Пенелопы сильно подорвал его уверенность в себе. Подорвал настолько, что он только сейчас вновь всерьез задумался о браке. Жена была ему необходима, чтобы восстановить репутацию семьи, и недавно он наконец-то нашел подходящую невесту. Причем эта женщина совершенно не походила на озорную подругу его детства – и слава Богу.

Судя по изредка доходившим слухам Пенелопа превратилась в весьма странную особу. В свете рассказывали о ее приключениях в постели итальянского графа с сомнительной репутацией, а также о любовной связи с каким-то греческим повстанцем. Поговаривали, будто Гойя нарушил свое уединение, дабы нарисовать портрет Пенелопы как в одежде, так и без оной – наподобие его знаменитой картины «Маха обнаженная». Более того, некоторые утверждали, что она провела целую неделю в гареме султана в Константинополе.

Кроме того, Пенелопа опубликовала четыре тома воспоминаний о своих путешествиях, которые Кэмден зачитал до дыр, хотя ни за что не признался бы в этом публично.

Питер еще крепче сжал руку друга, и теперь, когда он вновь заговорил, во взгляде его было неподдельное отчаяние.

– В октябре умерла леди Брэдфорд, и с тех пор Пенелопу преследовали несчастья. Пен сейчас направляется в Париж, где у нас с ней была назначена встреча, и она совсем одна в этом опасном путешествии.

Кэму хотелось сказать, что так ей и надо, но все же он прикусил язык – ведь все считали его на редкость уравновешенным человеком. И действительно, последний раз он вышел из себя, когда Пен его отвергла. Что же касается Пенелопы... Что ж, потеряв компаньонку, она наверняка смогла бы найти ей замену.

– Питер, я... – Кэм умолк, не зная, что сказать другу. Разумеется, он догадывался, что тот хотел попросить его спасти сестру. И мог ли он после стольких лет дружбы ответить Питеру отказом?

Словно почувствовав настроение друга, Питер снова заговорил, на сей раз очень быстро; возможно, он понял, что жить ему оставалось уже совсем немного.

– Последнее письмо Пен прислала из Рима. Она писала, что у нее закончились деньги. Это было месяц назад, и одному Богу известно, что случилось с ней после этого.

– Но что могу сделать я? – спросил Кэмден.

– Найти ее. Привезти назад в Англию. Убедиться в том, что она – в безопасности. – Питер смотрел на друга все с тем же отчаянием в глазах, и Кэмден почувствовал, что, возможно, не сумеет отказать ему. – Элиас будет занят наследством, а на Гарри нет никакой надежды, даже если бы кому-то удалось отвадить его от борделей.

Молча поднявшись со стула, Кэмден принялся мерить шагами крохотную комнатку. Наконец, взглянув на друга, проворчал:

– Черт возьми, Питер, я ведь не имею власти над твоей сестрой. Она меня не слушает.

– Послушает. Ты всегда ей нравился.

Только не в последнюю их встречу.

– Не могу же я увезти ее силой, – проворчал герцог.

Дрожа всем телом, Питер приподнялся на подушках. Его карие глаза – точно такие же, как у сестры, – ярко горели на пепельно-сером лице, так что, казалось, вся его жизнь сосредоточилась сейчас во взгляде.

– Увезешь, если придется. Я не хочу, чтобы моя сестра таскалась по Европе. Не хочу, чтобы всякие невежественные свиньи обзывали ее шлюхой.

«Проклятье!» – мысленно воскликнул Кэмден. А Питер, не сводя с него пылающего взгляда, продолжал:

– Нет на свете человека, которому я доверял бы больше, чем тебе, Кэм. Если ты когда-нибудь считал меня своим другом, если ты испытывал хоть мимолетную симпатию к моей сестре, – привези ее домой.

Мимолетную симпатию к его сестре? В том-то и состояла проблема... Пока Пенелопа не начала говорить с ним как с высокомерным лакеем, она очень ему нравилась, а вот потом...

Остановившись у окна, Кэм смотрел на бушевавшую за стеклом непогоду. В серое небо над гаванью упирался бесконечный лес мачт... «Наверное, в такие вот ночи и заключаются сделки с дьяволом», – со вздохом подумал Кэм. Только вот в данном случае – он был абсолютно в этом уверен – дьяволом являлась одна очень хорошо известная ему женщина...

Повернув голову, Кэмден увидел собственное отражение в зеркале. Казалось, что он выглядел... как обычно. Был спокоен, уверен в себе и холоден – привычка скрывать свои истинные чувства стала его второй натурой. Но на самом деле в душе его сейчас бушевала буря. Буря, вызванная... той самой женщиной.

В мутном зеркале отражалось также и лицо наблюдающего за ним Питера, стойко переносившего страдания последних часов жизни. Ну как он, Кэм, мог ему отказать?... Хотя конечно же было совершенно ясно: все его попытки вернуть Пен домой ни к чему не приведут. Разумеется, она поступит по собственному усмотрению – вопреки всем просьбам умиравшего брата и увещаниям друга детства. Но все-таки...

Расправив плечи, Кэмден медленно развернулся и, пристально посмотрев на друга, проговорил:

– Конечно, я сделаю это, Питер. Не сомневайся.

Этот его ответ был встречен слабым подобием некогда ослепительной улыбки. Торны славились своей красотой, и на какое-то мгновение перед Кэмденом вновь предстал распутный приятель его юности, с легкостью покорявший женские сердца.

– Да благословит тебя Господь, Кэм, – прохрипел умиравший.

Хотя, по мнению Кэмдена, правильнее было бы сказать: да поможет тебе Господь.

Глава 2

Валле д'Аоста, Италия, февраль 1828 года

За девять лет путешествий Пенелопа Торн не раз попадала в различные переделки, но ни одна из них не могла бы сравниться с той, в которой она оказалась здесь, в грязном и душном зале крохотной гостиницы в итальянских Альпах.

Пытаясь унять дрожь в руках, Пен подняла пистолет и сделала вид, будто такие вот встречи с кучкой бандитов – самое для нее обычное дело. Внутренний голос подсказывал: если она покажет свой страх, то, скорее всего, подвергнется насилию, а потом, возможно, и умрет.

А негодяи, пожиравшие ее плотоядными взглядами, были веселы и пьяны, поэтому, как казалось, абсолютно ничего не боялись.

– Первый, кто осмелится приблизиться, получит пулю в лоб, – на беглом итальянском заявила Пенелопа.

К сожалению, жители этой Богом забытой деревни говорили на каком-то странном языке; их речь мало напоминала мелодичный тосканский диалект, которому Пенелопа обучилась в салонах Флоренции.

Пен мысленно проклинала собственное невезение и ненастье, вынудившее ее задержаться в этой деревушке. Позади нее служанка и кучер боязливо жались к стене, а хозяина гостиницы нигде не было видно. Возможно, он был заодно с этими негодяями, ибо выглядел он столь же отталкивающе, как и они.

Тут один из мерзавцев – лицо его было украшено пышными усами – шагнул к Пенелопе и быстро-быстро заговорил, но в потоке непонятных слов Пен уловила лишь слова «одна» и «пуля». Но все же она не опустила руки несмотря на сковывавший ее страх, Пен заявила:

– Даже одна пуля может убить.

Криво усмехнувшись, негодяй сделал еще один шаг вперед. Пенелопа взвела курок, и щелчок этот показался невероятно громким в воцарившейся тишине.

Но усач, казалось, несколько не испугался. Он сделал еще несколько шагов и теперь подошел настолько близко, что Пенелопа уже чувствовала его зловонное дыхание. Пен едва сдерживалась, чтобы не сделать шаг назад. А между тем остальные мерзавцы двинулись за своим предводителем. Он глянул на них и что-то сказал. Все тотчас же рассмеялись, и от этого смеха по спине пробежал холодок.

– Я вас предупредила, – сказала она, глядя прямо в пороссячьи глазки негодяя.

В следующее мгновение Пен нажала на спусковой крючок, и прогремел выстрел. В ушах у Пенелопы зазвенело, а в носу защипало от резкого запаха пороха.

– *Porca miseria...*¹ – Негодяй пошатнулся и, сделав шаг назад, рухнул на пол в сторону толпы, которая загудела, подобно рассерженному океану. На лбу у него образовалось кровавое пятно, а в глазах, прежде чем они закатились, промелькнуло удивление.

«Святые небеса, он мертв!» – мысленно воскликнула Пенелопа и тотчас почувствовала, как к горлу ее подкатывает тошнота. За свои двадцать восемь лет ей еще ни разу не приходилось убивать. Прежде чем зловещая толпа снова двинулась на нее, она сунула дрожащую руку в карман, чтобы достать второй пистолет. И тут же, ощутив у себя за спиной чье-то присутствие, Пен поняла, что кучер Джузеппе наконец-то проявил некое подобие мужества. Лучше бы он прихватил с собой ружье! Но, увы, ружье осталось в экипаже, так что теперь в его распоряжении были только кулаки.

Глаза негодяев засверкали от ярости, и Пен еще крепче сжала в руке пистолет; рука ее вдруг стала на удивление твердой.

¹ *Porca miseria (итал.)* – черт побери. Здесь и далее примеч. пер.

Внезапно кто-то схватил ее за грудь, и еще чья-то рука ударила ее под ребра. Пенелопу охватил ужас. У нее оставалась всего одна пуля, но пришло ли время ее использовать?

В этот момент Джузеппе схватился с кем-то из нападавших, но Пен не могла прийти ему на помощь – ведь она не могла помочь даже себе самой. Судорожно хватая ртом воздух и отбиваясь от цепких рук, Пенелопа вскинула пистолет – и в тот же миг прогреготал выстрел. «Но как же так?!» – изумилась Пен. Ведь пистолет оставался холодным в ее руке, и, следовательно, это не она спустила курок...

На несколько секунд, показавшихся вечностью, воцарилась тишина, а затем прогремел еще один выстрел, после чего раздался громкий голос:

– Отойдите от нее!

Неужели Кэм?! Даже спустя девять лет этот густой баритон оставался хорошо знакомым и родным.

Нападавшие же, насупившись, расступились, образовав проход, ведущий к двери, где, очевидно, и стоял спаситель Пенелопы. Прошло еще несколько секунд, и она увидела высокого мужчину в элегантном плаще с капюшоном и в бобровой шапке. В руках Кэм сжимал два пистолета, за его плечом виднелось ружье, а у бедра висела сабля. Шапка его и плечи были слегка припорошены снегом.

– Убирайтесь отсюда и больше не возвращайтесь, – сказал Кэмден, окинув взглядом негоде-
яев. – Эта леди находится под моей защитой.

Итальянский герцога был так же хорош, как и итальянский Пенелопы, и на сей раз голо-
ворезы все прекрасно поняли. Впрочем, один из них задержался и начал что-то громко объ-
яснять, указывая на убитого. Но Кэм вновь вскинул пистолет, и итальянец, подхватив труп,
поспешил за своими приятелями.

Пенелопа протянула к Джузеппе дрожавшую руку, но к ужасу Пен, рука ее внезапно ока-
залась в ладони Кэма. И даже сквозь кожаную перчатку она ощущала исходивший от него жар.
Но как же случилось, что спустя столько лет он все еще производил на нее подобное впечат-
ление?

– Я в порядке, – пробормотала Пен, борясь с подступающей к горлу тошнотой.

– Это видно. – Кэм еще крепче сжал руку девушки.

Судорожно сглотнув – все кружилось у нее перед глазами, – она тихо сказала:

– Просто я... Я никогда прежде не убивала.

– Не стоит взывать к моей жалости, – проворчал Кэмден, и стало очевидно, что он гне-
вался.

– Ты на меня злишься? – спросила Пенелопа в замешательстве.

– Даже не представляешь, насколько. – Кэм помолчал и добавил: – Мне ужасно хочется
перекинуть тебя через колено и хорошенько отшлепать.

– Но почему? Не понимаю... – проговорила Пенелопа так тихо, что едва услышала соб-
ственный голос. И тут вдруг все вокруг нее стало стремительно вращаться, и она со вздохом
закрыла глаза.

В следующее мгновение, почувствовав, как Кэм подхватил ее на руки, Пенелопа попы-
талась вырваться, – но тут же погрузилась во мрак.

– Заберите. – Удерживая на руках Пенелопу, герцог сунул пистолеты кучеру, стоявшему
в нескольких шагах от него, затем взглянул в лицо красавицы, покоившейся у него на руках.
Да-да, совершенно неприметная худенькая девочка превратилась в потрясающую красавицу –
именно из-за таких когда-то развязывались войны.

Впрочем, Кэм прекрасно помнил, какое беспокойство поселилось в его душе, когда
девять лет назад он внезапно обнаружил, что хорошо знакомая ему девочка превратилась в изу-
мительную красавицу. И вот сейчас он сжимал ее в объятиях – такую изящную, теплую и подат-

ливую. Кэма дразнил и будоражил исходивший от нее цветочный аромат... с примесью запаха пороха.

Иссиня-черные локоны рассыпались по плечам Пенелопы, и Кэмден едва не задохнулся от ярости, вспомнив, как окружившие Пен смрадные негодяи лапали ее своими грязными руками. Будь у него побольше пуль и несколько надежных людей за спиной, одним убитым они бы не отделались.

– Приведите хозяина, – обратился Кэмден к молоденькой служанке.

Глаза девушки округлились, и она, поспешно присев в реверансе, выбежала из зала.

Пен зашевелилась, когда Кэмден уложил ее на деревянную скамью у окна с закрытыми ставнями. Глядя на нее, он испытывал самые противоречивые чувства. Во-первых, конечно же облегчение – к счастью, он приехал очень вовремя. И в то же время он ужасно злился – из-за того, что пришлось сюда приехать. Кроме того... Проклятье, он испытывал к Пен физическое влечение.

Невольно вздохнув, герцог наклонился, чтобы проверить, не ранена ли она. На шее и на плечах виднелись царапины, но в остальном... Судя по всему, она была в порядке. Сердце Кэмдена болезненно сжалось при мысли о том, что могло бы произойти, не подоспей он вовремя.

Черные как смоль ресницы дрогнули, но Пенелопа не очнулась. «Как странно... – промелькнуло у Кэмдена. – Странно, что даже сейчас, столько лет спустя, она по-прежнему выглядит невинной...»

Герцог задержал взгляд на чуть приоткрытых губах – и вновь он почувствовал что-то очень похожее на возбуждение. Поправляя разорванный лиф ее платья, он старался не обращать внимания на атласную кожу под кружевной сорочкой. Проклятье! Неужели он воспринимал Пенелопу Торн как желанную женщину, а не тягостную обязанность, от которой следовало поскорее избавиться?

Тут Пен снова зашевелилась, а потом вдруг спросила:

– Достаточно увидел?

Герцог Седжмур славился уверенностью в себе; еще никому не удавалось заставить его покраснеть. Но сейчас, внезапно почувствовав, что краснеет, он пробормотал:

– Похоже, никаких серьезных повреждений нет. – Кэм откинул полу своего плаща и положил на стоявший рядом стол саблю и ружье – в отличие от Пен, он был вполне готов к визиту в этот оплот беззакония.

– Во всяком случае, с моей грудью все в порядке. – Схватившись за лиф платья, Пенелопа попыталась приподняться.

Кэму ужасно хотелось съязвить в ответ, но он сдержался. В конце концов, он ведь действительно на нее таращился...

– Пен, но что привело тебя в эту вонючую дыру? – пробормотал герцог.

Она откинула с лица черную прядь и с вызовом в голосе ответила:

– Непогода, конечно же. Я знаю, что ты выбрался бы даже из лавины, не помяв при этом галстука, но мы-то, простые смертные, вынуждены в таких случаях искать хоть какой-то кров. Снегопад занес все дороги, – неужели не заметил?

«Она, должно быть, лишилась рассудка, если решила путешествовать по горам в феврале», – подумал Кэмден. Но он не успел сказать об этом Пенелопе, так как в этот момент в дверях появился хозяин гостиницы с подносом в руках.

– *Mi dispiace, mi dispiace...*² – Итальянец пустился в пространные объяснения, из которых следовало, что негодяи заперли его в погребе.

Бросив взгляд на поднос, Кэм с удовлетворением кивнул, заметив бутылку бренди и два стакана, – ему сейчас просто необходимо было выпить. Когда же хозяин сообщил, что уже

² *Mi dispiace (итал.)* – мне очень жаль.

нанял нескольких крепких односельчан для охраны гостиницы, герцог сказал, что снимет здесь комнату, после чего дал понять, что разговор окончен.

Во время этой беседы Пенелопа упорно хранила молчание. Молчала она и после того, как хозяин гостиницы удалился. «Как странно...» – подумал Кэм. Внимательно взглянув на нее, он спросил:

– Ты в порядке?

Пен тут же вскинула подбородок и, окинув его презрительным взглядом, ответила:

– Да, в полном.

Кэмден мог бы ей поверить, если бы она не столь поспешно отвела взгляда от кровавого пятна на полу. Служанка, в этот момент вошедшая в зал с ведром в руке, опустилась на колени и принялась за дело. Пен вздохнула с облегчением и вопросительно взглянула на Кэмдена – было очевидно, что она ждала от него каких-то объяснений.

Но как он мог объяснить свое внезапное появление в захолустной деревушке? Разумеется, Питер отдал ему все последние письма сестры, чтобы он имел хоть какое-то представление о ее передвижениях. С помощью этих писем он и отыскал Пенелопу. Между прочим, она писала очень живо и смешно, но, конечно же, не упоминала о своих любовных увлечениях – в письмах брату ни одна женщина, наверное, не стала бы делиться такими подробностями.

Судорожно сглотнув, Пенелопа снова взглянула на Кэма и тихо проговорила:

– Это конечно же совпадение, что ты тоже оказался здесь, не так ли?

– Счастливое совпадение, – уточнил Кэм, взяв с подноса бутылку бренди.

– Надеюсь, мне ты тоже нальешь. – Эти слова прозвучали как еще одно напоминание о том, что перед ним стояла уже не та невинная девушка, которой он когда-то делал предложение.

– Если пожелаешь... – Кэмден пожал плечами.

– Да, пожелаю, – последовал ответ.

Кэмден передал Пенелопе стакан с бренди и постарался скрыть удивление, когда та сделала большой глоток. В его мире незамужние леди из хороших семей не питали любви к крепким напиткам. Но ведь Пен – она совсем другая, не так ли?

Герцог подумал о леди Марианне Ситон – женщине, которую выбрал себе в жены. Леди Марианна ни при каких обстоятельствах не стала бы пить бренди. Впрочем, у нее едва ли хватило бы смелости пристрелить бандита.

Между прочим, он ни разу не видел леди Марианну неприбранной – его невеста всегда была само совершенство. А вот Пенелопа... Она сейчас сидела перед ним растрепанная и всклокоченная. А лиф платья провис, являя взору окружающих краешек кружевной сорочки. Но почему же при сравнении этих двух женщин Пен казалась ему более желанной?..

И хуже всего было то, что прошедшие годы совершенно не охладили его чувственного интереса к этой женщине. Увы, он захотел Пенелопу с того самого момента, как снова увидел ее. И вот теперь ему придется находиться с ней рядом, пока он не доставит ее в Англию в целости и сохранности. Нелепейшая ситуация!

И не важно, по какой причине Пен оказалась здесь. Она была его подругой по детским играм, а также сестрой его друга – уже хотя бы поэтому заслуживала уважения. И, следовательно... Ведь овладев ею, он будет вынужден на ней жениться! Теперь-то Кэмден уже понимал, какую глупость совершил, сделав ей предложение девять лет назад. И ему совершенно не хотелось связывать свою жизнь с представительницей скандально известной семьи Торн.

Держа в руке пустой стакан, Пенелопа прижалась спиной к стене. Она вдруг спросила:

– Это ведь не совпадение, верно?

Герцог тут же кивнул:

– Да, верно.

– Кэм, но как ты узнал?

Тихо вздохнув, Кэмден взял бутылку и вновь наполнил оба стакана.

– Меня прислал Питер. После смерти леди Брэдфорд он очень за тебя волновался. – Немного помолчав, Кэм добавил: – Прими мои соболезнования.

Что-то очень похожее на горе промелькнуло в карих глазах Пенелопы.

– Спасибо. – Она тоже вздохнула. – Мне очень ее не хватает. Она была замечательной компаньонкой.

Еще будучи мальчишкой, Кэмден несколько раз встречался с леди Изабель Брэдфорд. Эта дама владела огромным состоянием и после недолгого – и очень несчастливое – брака так и не вышла замуж вторично. Кэму она нравилась. Но леди Брэдфорд была весьма эксцентрична, и никто не считал ее подходящей компаньонкой для молоденькой впечатлительной девушки.

– Пен, у меня печальные новости, – продолжал Кэмден. – Мне очень жаль, но Питер скончался в Кале месяц назад.

Пенелопа судорожно сглотнула. Ее взгляд стал пустым и безжизненным, а раздумывавшееся было лицо снова посерело.

Кэм мысленно выругался. Какой же он болван! Мог бы преподнести эту новость... как-нибудь более деликатно.

Опустившись рядом с Пенелопой на скамью, герцог обнял ее за плечи и тихо сказал:

– Пен, ты меня слышишь? – Все эти годы он старался не думать о ней, а если и вспоминал – то как женщину, имевшую глупость ему отказать. Однако эта вынужденная близость пробудила воспоминания о той маленькой девочке, которую он когда-то успокаивал. – Пен, поговори со мной, хорошо?

Она медленно к нему повернулась и заморгала – словно только что пробудилась от кошмарного сна.

– Я должна была встретиться с братом в Париже, – проговорила Пен хриплым шепотом. – Вот почему я отправилась в путь в столь неподходящее время года. – Немного помолчав, она спросила: – Что с ним случилось?

– Приступ чахотки свалил его в гостинице у причала.

– О Господи... – Пенелопа задрожала. – Я не знала, что брат болен. Он должен был мне сообщить.

– Ты же знаешь Питера.

– Да, конечно. Он не хотел становиться обузой. – Пенелопа, не удержавшись, всхлипнула:

– Он был очень смелым человеком, – пробормотал Кэм. Питеру не доставало мудрости в житейских делах, но он обладал добрым сердцем и невероятной силой духа.

– Да, верно, – кивнула Пен.

Кэмден придвинулся к ней еще ближе, но она вдруг высвободилась из объятий и со вздохом сказала:

– Кэм, прошу тебя, не надо...

Кэмден медленно встал со скамьи, пытаясь не обижаться на Пен из-за того, что она не приняла его сочувствия. Ведь он не имел права к ней прикасаться. Принимая же во внимание его совершенно неуместное влечение к ней... Наверное, для них обоих было бы лучше, если бы он держался от нее подальше.

– Пен, я могу чем-нибудь тебе помочь? – спросил герцог. Обычно он прекрасно знал, как выйти из любой – даже самой затруднительной – ситуации, но сейчас, находясь рядом с этой женщиной, такой знакомой и в то же время совершенно чужой, Кэмден терялся.

Глаза Пенелопы, казалось, остекленели, и Кэм вдруг понял, что она из последних сил сдерживала слезы.

– Ты не мог бы оставить меня одну? Кэм, пожалуйста... – пробормотала Пен, уставившись на свои руки, сложенные на коленях.

«А ведь в детстве, попав в беду, Пенелопа всегда обращалась ко мне за помощью», – неожиданно вспомнил герцог.

– Я не могу тебя бросить, – заявил он.

Пен покачала головой и со вздохом сказала:

– Ты не понял. Я просто хочу немного побыть одна.

Кэм мысленно поморщился, но внешне оставался совершенно спокойным.

– Да, конечно, – кивнул он.

Герцог уже развернулся, чтобы уйти, но потом вспомнил, что должен был еще кое-что сказать. Пенелопа же по-прежнему сидела у стены, и Кэмдену вдруг ужасно захотелось заключить ее в объятия. Но он сдержался. Ведь Пен ясно дала понять, что не желала его прикосновений.

– Видишь ли, есть еще кое-что...

– Не сейчас, – перебила Пенелопа.

– Нет, я должен сказать тебе об этом именно сейчас, – решительно заявил герцог. – Видишь ли, Питер просил доставить тебя в Англию...

– Мне не нужны сопровождающие. – Голос Пенелопы звучал безучастно, а ее невидящий взор был сейчас устремлен на закрытые ставнями окна.

– Это было очевидно, когда я приехал. – В ответе Кэмдена прозвучал сарказм.

– Раньше такого не случилось бы, – пожав плечами, пробормотала Пен все тем же бесцветным голосом.

– Я просто хотел сказать, что дальше мы поедем вместе, – сказал Кэмден.

И едва лишь эти слова сорвались с его языка, как он понял, что не следовало их произносить. В глазах Пенелопы тотчас же вспыхнул гнев, мгновенно вытеснивший выражение безутешного горя.

– По-прежнему отдаете приказания, ваша светлость?

– Не пытайся меня разозлить, Пен, – спокойно ответил Кэмден.

Однако Пенелопа, бросив на него полный неприязни взгляд, тихо сказала:

– Уйди, Кэм.

Глава 3

Один из недостатков крошечных гостиниц, находящихся на краю света, состоял в том, что в них не возможности уединиться, особенно – во время бушующей за окном пурги.

Уже несколько недель Кэмдену приходилось ночевать во второсортных гостиницах, но этот едва сводивший концы с концами постоялый двор был самым худшим из всех. Ему ужасно не хотелось мешать предававшейся горю Пен, но также не хотелось сидеть снаружи, постепенно превращаясь в ледышку. Не мог он и подняться в свою комнату – из опасения, что негодяи вернутся. Хотя гостиницу уже охраняли местные жители, Кэмден не мог довериться людям, которых не знал.

И вот теперь он расхаживал по коридору точно выброшенный на улицу пес – голодный, замерзший... и ужасно разочарованный поведением Пен. Хотя чему удивляться?.. Какого приема он ожидал?

Когда же Пенелопа, наконец, решила прервать свое уединение, Кэм сидел на кухне, пытаясь сделать хоть глоток невероятно кислого местного вина. Жена хозяина заведения готовила ужин, и разносившиеся по кухне ароматы вызвали урчание в желудке; ведь всем известно, что встреча с опасностью неизменно вызывает зверский аппетит.

– Добрый вечер, Пен, – произнес герцог, поднимаясь со стула. – Хочешь вина?

– Может быть, попозже, – ответила девушка, не переступая порога кухни.

Разорванный лиф платья она заткнула за ворот сорочки, и это еще раз напомнило Кэмдену – хотя напоминания и не требовалось – о том, что она едва не подверглась насилию. А еще это напомнило ему – о, проклятье! – о соблазнительных изгибах тела Пенелопы. Это постоянное ощущение ее близости ужасно раздражало и выматывало. Такой своей реакции Кэмден совсем не ожидал...

– Ты искала меня? – спросил он.

– Мне нужна Мария. Я хочу вымыться и переодеться. – Голос Пенелопы был таким же ледяным и неприветливым, как снежная буря за окном.

– Если ты не пойдешь в бар, я, пожалуй, приглашу наших охранников внутрь. На улице очень холодно.

– Положение обязывает, да, Кэм?

Кэмден постарался не обращать внимания на насмешки. Ведь его с раннего детства приучили заботиться о людях, которые ему служили.

– Да, именно так, – ответил он с невозмутимым видом.

– *Poverina, poverina!*³ – Жена хозяина оставила плиту и бросилась к Пенелопе, чтобы заключить ее в объятия. Пен обмякла, прижавшись к пышной груди итальянки, и Кэм заметил промелькнувшее в ее глазах выражение растерянности.

Что ж, неудивительно, что она топталась у порога. Пен с огромным трудом скрывала от окружающих свое горе. Но Кэм-то сразу же заметил ее покрасневшие глаза и слипшиеся ресницы. Пока он проклинал неудобства, она горько плакала, печалась о брате. Какой же он все-таки эгоист...

Восхищаясь стойкостью Пенелопы, Кэм наблюдал, как она, взяв себя в руки, расправила плечи и выпрямилась – и сразу же стала на две головы выше невысокой седовласой итальянки. Женщина же отвела Пен к столу, и уже через минуту перед ней стоял бокал вина, а рядом – тарелка с горячим супом.

³ *Poverina* (итал.) – бедняжка.

– Grazie⁴. – Голос Пенелопы звучал глухо. И она смотрела на еду так, словно перед ней была отравка.

– Ешь, пока горячий. – Кэм отрезал девушке ломоть хлеба от большой краюшки, лежащей в середине стола.

Пен опустила ложку в суп, – но и только.

– Разве ужин на кухне не претит величественному Кэмдену Ротермеру? – пробурчала она.

– Хватит насмехаться. Иначе у меня будет несварение желудка. – Не обращая внимания на неприкрытую враждебность Пенелопы, Кэм коснулся ее руки. От этого, казалось бы, невинного прикосновения по телу его внезапно пробежала дрожь. – Поешь, Пен. Это поможет.

– Чему именно? Твоей цели?

В кухне воцарилось тягостное молчание. А жаль... Ведь они с Пен прекрасно ладили. До тех пор, пока он не сделал ей предложение.

– Я очень сожалею, что так случилось с Питером, – тихо произнес Кэм. Он говорил по-английски, чтобы создать хоть какую-то видимость уединения – ведь вокруг сновали служанки, таскавшие в бар подносы с едой и напитками.

– Я тоже, – сказала Пенелопа, не поднимая головы. Но ее голос звучал уже не столь враждебно. – Спасибо, что спас меня.

Кэмдену не нужна была ее благодарность. Хотя... Наверное, только Господь Бог знал, что именно ему нужно.

– Любой мужчина поступил бы точно так же, – ответил он, помолчав.

– Снова «положение обязывает»?

Кэм не ответил. Отрезав себе еще хлеба, от тихо сказал:

– Питер считал, что ты попала в беду. И, судя по тому, что я сегодня увидел, он был прав.

– Ты, вероятно, проклинаешь его за то, что он втянул тебя в это. Поиски непредсказуемой сестры старого друга наверняка не входили в твои планы. К тому же мы с тобой расстались... не слишком хорошо.

Кэм сделал глоток вина и, решив быть предельно откровенным, проговорил:

– Тебе не следовало сбегать из Англии. Я не собирался тебе докучать.

Тут щеки Пенелопы вновь окрасились румянцем, и она немного поела. После чего заявила:

– Я сбежала не от тебя, а от своей матери.

– Она тебе угрожала?

Пен язвительно рассмеялась.

– Ты даже не представляешь, насколько. Она даже велела отцу бить меня до тех пор, пока я не соглашусь стать твоей женой.

«Проклятье!» – мысленно воскликнул Кэм. Конечно же ему следовало сначала поговорить с самой Пен, прежде чем просить ее руки у отца. Но он тогда был настолько самонадеян, что и помыслить не мог об отказе.

– Господи, Пен, неужели он это сделал?

– Конечно, нет. – Она покачала головой. – Разве ты можешь представить, что мой отец поднял бы на меня руку?

Герцог невольно усмехнулся. Покойный лорд Уилмот был слабым человеком, старавшимся избегать своей сварливой жены.

– Он наверняка сбежал в Лондон и спрятался в своем клубе, верно?

– Не совсем. Отец затаился у своей любовницы, и мать была крайне недовольна.

⁴ Grazie (итал.) – спасибо.

– Не сомневаюсь. – Кэм также не сомневался и в том, что все свое недовольство и гнев леди Уилмот обрушила на голову дочери. – Значит, приглашение твоей тети оказалось как нельзя кстати?

– Да, пожалуй. Мне всегда хотелось отправиться в путешествие. К тому же я страшилась предстоящего сезона.

– Но почему? – удивился Кэмден. – Ведь ты бы наверняка произвела фурор...

– Сомневаюсь. – Пенелопа поджала губы. – Все дамы единодушно решили, что я слишком своевольна... в ущерб собственным интересам. Вряд ли у лондонских женихов сложилось бы иное мнение. – Пен немного помолчала, потом продолжила: – Знаешь, я тогда не представляла, какую глубокую рану нанесла твоему тщеславию.

Кэм пожал плечами и, стараясь придать голосу беззаботность, проговорил:

– Осмелюсь заметить, что этот опыт оказался для меня полезен.

– Мне жаль, Кэм, – тихо сказала Пенелопа.

– Но ты не сожалеешь о том, что ответила отказом, не так ли? – Воспоминания о ее отказе вновь и вновь ранили его гордость.

– Все давно в прошлом, – мягко произнесла Пенелопа, и это было в ней ново. Пен, которую он знал, непременно ответила бы колкостью на едкое замечание.

Вновь склонившись над тарелкой с супом, Пенелопа начала есть с большим аппетитом. Когда же она проглотила последнюю ложку, Кэм спросил:

– Будешь противиться возвращению в Англию?

Пенелопа долго молчала. После чего ответила вопросом на вопрос:

– А ты хочешь, чтобы я противилась?

Кэмден нахмурился и проворчал:

– Как бы ни раздражал тебя мой деспотизм, – я дал Питеру слово, что верну тебя домой.

– Питер не был моим опекуном, – заявила Пен.

А вот он, Кэмден, был уверен, что она очень нуждалась в оном.

– Но Питер любил тебя и хотел, чтобы ты остепенилась.

Горький смех Пенелопы напомнил Кэму тот день, когда он сделал ей предложение.

– И чтобы обзавелась мужем и детьми, не так ли?

– А что в этом плохого? – буркнул Кэм.

– Мне это не подходит. Я никогда не выйду замуж.

Пен говорила слишком уж уверенно. Да и почему бы ей не быть уверенной? Ведь она жила так, как ей нравилось, и делала все, что хотела. Кэмден едва не заплодировал ее дерзости. Только вот дерзость эта по какой-то необъяснимой причине злила его до такой степени, что хотелось кого-нибудь ударить, желательно – одного из ее проклятых любовников.

Пен бросила на него оценивающий взгляд и добавила:

– Я давно не обращаю внимания на мнение большинства. Поскольку же у меня нет ни мужа, ни отца, я вольна поступать так, как сама захочу.

– Но я намерен выполнить обещание, данное твоему брату, – проговорил герцог как можно спокойнее.

– Ударив меня по голове и связав по рукам и ногам? – с вызовом в голосе осведомилась Пенелопа.

– Если придется, – с раздражением ответил Кэм. Впрочем, одному только Богу было известно, что он предпримет в случае ее отказа.

Но тут Пенелопа вдруг потупилась и со вздохом сказала:

– Нет, не придется.

Кэмден вздрогнул от неожиданности. С удивлением глядя на собеседницу, он спросил:

– Пен, ты о чем? Какого черта?..

На губах Пенелопы – на этих невероятно соблазнительных губах – заиграла насмешливая улыбка.

– Раньше тебя было гораздо сложнее раздражить, Кэм.

– Да, но...

Пен отодвинула от стола шаткий стул и встала. Несмотря на игравшую на губах улыбку, в ее глазах была печаль.

– Мы с Питером должны были встретиться в Париже, чтобы обсудить последнюю волю тети Изабель. Он собирался стать моим официальным представителем в Лондоне. И вот теперь мне придется разбираться с делами самостоятельно. Так что я вернусь домой. Даю слово. Но если мы с тобой будем путешествовать вместе, поползут слухи...

Еще до встречи Кэм все обдумал, поэтому тотчас сообщил:

– Мы будем избегать крупных городов до тех пор, пока не доберемся до моей яхты, пришвартованной в Генуе.

– В Генуе? Но ведь это означает, что мы отправимся той же дорогой, которой я ехала сюда...

– Будь я проклят, если решусь перевалить через Альпы в феврале, – проворчал герцог. – Да, мы отправимся на юг.

– Я могла бы поехать на юг самостоятельно.

Ему очень хотелось согласиться – хотя бы для того, чтобы освободиться от своего сумасбродного влечения к Пенелопе. Однако внутренний голос продолжал возмущенно восклицать: «Это же малышка Пен! Девчонка с растрепанными волосами и торчащими из-под грязного платья костлявыми коленками! Как ты можешь потерять голову от Пенелопы Торн?»

– Ты непременно попадешь в беду, если будешь настолько беззаботна, что возьмешь в качестве сопровождающего лишь этого ни на что не годного кучера, – проговорил герцог.

Глаза его собеседницы превратились в черные льдинки.

– Я не должна перед тобой извиняться или что-то объяснять. – Пен развернулась, собираясь уйти. – Приятного вечера, ваша светлость.

Кэм вскочил на ноги.

– Нет, подожди!

Он схватил Пенелопу за руку. В юности он прикасался к ней сотни раз, но сейчас... Исходившее от Пен тепло дрожью прокатилось по его телу, и Кэм тотчас же понял, что это была настоящая катастрофа. Он попытался представить себе лицо леди Марианны, но вместо ее холодной красоты увидел лишь черные как у цыганки волосы и горящие дерзостью глаза.

– Отпусти меня, Кэм, – тихо сказала Пенелопа.

– Даешь слово, что не сбежишь? – Герцог пристально взглянул на нее.

– Снег завалил дороги к северу отсюда, и я не удивлюсь, если дороги и в южном направлении тоже занесены.

– Стало быть, мы заперты в этом Богом забытом заведении, не так ли, Пен?

Она взглянула на него, прищурившись.

– Совершенно верно, ваша светлость. – Накинув на себя плащ – с таким видом, словно он был подбит мехом горностая, – Пенелопа Торн вышла из кухни. Спину же при этом держала прямо и покачивала бедрами с такой чувственной дерзостью, что сердце Кэмдена едва не выскочило из груди.

Черт бы ее побрал!

Глава 4

Олдхейвен-Хаус, Лондон, февраль 1828 года

Затянувшись последний раз, Гарри Торн поморщился и отшвырнул окурок в обрамлявшие террасу кусты. Ему ужасно не нравилось, что среди молодых повес, с которыми он водил компанию, курение вошло в моду.

Впрочем, в последнее время Гарри вообще мало что нравилось. Меланхолия его появилась после смерти старшего брата Питера; полная всевозможных утех жизнь двадцатитрехлетнего молодого аристократа, не обремененного никакими обязательствами, утратила свою былую привлекательность.

К тому же депрессию усугубляло чувство вины. Проклятье! Если бы он знал о проблемах Питера, то непременно бросился бы на помощь. Но Питер ни с кем не делился. И все же невероятно трудно смириться с тем обстоятельством, что его брат испустил последний вздох в полном одиночестве, в чужой стране, а он, Гарри, даже не смог с ним попрощаться.

Молодой человек покинул бальный зал и вышел в утопавший в темноте сад. Звуки скрипок, наигрывавших последний вальс, постепенно стихали, пока не превратились в едва слышимый струнный шепот.

Где-то здесь его ждала леди Вера Стэндиш, решившаяся, наконец, подарить ему свое округлое очарование, – если, конечно, Гарри правильно понял ее многозначительные взгляды. Но она бросила ему вызов, предложив отыскать ее в саду. И Гарри – после месяцев настойчивых преследований – оставалось лишь надеяться, что она пряталась не слишком тщательно. Только вот перспектива исследовать достойные восхищения прелести леди Веры не помогала справиться с унынием.

С такими мыслями Гарри подошел к дальней стене сада. Заслышав шорох, он обернулся, пытаясь почувствовать хоть какое-то возбуждение...

А потом вдруг раздался совершенно неожиданный звук, и звук этот напоминал... тихие всхлипывания? О, конечно же это была не леди Вера.

Гарри попятился, дабы не нарушать уединение тех, кто, возможно, прятался в кустах. Но тут вдруг снова послышались всхлипывания, а потом – и рыдания.

Гарри отступил еще на несколько шагов. В конце концов, какое ему дело до тех, кто плакал в одиночестве? К тому же... Если уж вспоминать о леди Вере, – то, может быть, она найдет себе более преданного поклонника? Ведь всем известно, что терпение – не ее добродетель. И это, возможно, было бы к лучшему.

Гарри шумно споткнулся о камень, и в саду воцарилась тишина. Но кем бы ни была прятавшаяся в кустах женщина, она поняла, что ее плач был услышан.

И тут Гарри вдруг понял, что не может оставить человека в беде – любого, пусть даже и незнакомого. Тихо вздохнув, он направился к заросшей падубом нише. Пробираясь сквозь колючие заросли, он не мог не вспомнить сказку о принце, спешившем пробудить ото сна Спящую Красавицу.

– Прошу вас, не подходите ближе, – внезапно раздался тихий прерывистый шепот всего лишь в нескольких шагах от него.

– Слишком поздно, – пробормотал Гарри, вырвавшись, наконец, из кустов на уединенную полянку.

Его глаза уже привыкли к темноте, поэтому он сразу же различил девушку в светлом платье, сидевшую на деревянной скамье.

– Уходите, – прошептала она.

Гарри не видел ее лица, но, судя по голосу, она была очень юна. Девушка теребила в руках кружевной платок.

– С вами все в порядке? – спросил Гарри.

– Да, в полном, – ответила она, отпрянув.

Ну, вот... Он спросил. А она ответила. Значит, все хорошо. И, следовательно, теперь можно отправляться на поиски леди Веры.

– Почему вы плачете? – спросил Гарри.

– Я не плачу, – ответила девушка, дрожь в ее голосе свидетельствовала об обратном.

– А мне кажется, что плачете.

– Я всего лишь... простудилась, – пробормотала незнакомка.

– В таком случае, вам не следует сидеть на холоде, – резонно заметил Гарри.

– А вам не следует разговаривать с незнакомыми женщинами, которым вас не представили, – последовал столь же резонный ответ.

Заявление незнакомки заинтриговало Гарри. Секунду-другую помолчав, он спросил:

– Значит, вы такая, мисс...

– Какая же? – резко перебила девушка.

Гарри невольно улыбнулся:

– Для меня – незнакомая.

Тут девушка поднялась со скамьи, и полная луна выбрала именно этот момент для того, чтобы выглянуть из-за туч и дать Гарри возможность рассмотреть эту невероятно расстроенную девицу.

Бросив на нее взгляд, он почувствовал себя так, будто кто-то вдруг с силой ударил его в «солнечное сплетение». Но как, черт возьми, ему удалось не встречаться с ней до сего момента?! Неужели он так сосредоточился на этой фальшивке Вере Стэндиш, что не заметил настоящего золотого слитка?!

– Я не незнакомка, – ответила девушка, окинув Гарри взглядом своих огромных глаз, выделявшихся на изящном личике, обрамленном густой копной золотистых волос. – Но я начинаю думать, что незнакомец – это вы.

Девица была столь хороша, что Гарри не сразу нашелся с ответом. Наконец, улыбнувшись, он спросил:

– Но почему вы сидите здесь в одиночестве? Ведь мало ли кто может сюда забрести...

Лицо незнакомки осветилось озорной улыбкой, и Гарри, изумляясь, услышал ответ:

– Вот вы, сэр, и забрели.

Гарри мысленно выругался. И тут же, снова взглянув на незнакомку, внезапно почувствовал, что его сердце едва не остановилось. Ведь перед ним была самая красивая девушка на свете! Но кто же она такая? Проклятье! Черт побери! Гарри вращался в обществе с момента выпуска из университета и считался докой по части женщин, но эта девушка... Казалось, она лишила его всех мыслительных способностей, и теперь он бормотал нечто невразумительное, то есть вел себя как умалишенный.

Сделав глубокий вдох, Гарри попытался улыбнуться – хотя это было весьма непросто, ведь сердце в его груди выделявало бешеные кульбиты, – затем проговорил:

– Вообще-то, мисс незнакомка, я очень добрый.

А незнакомка смотрела на него так, словно никогда в жизни не видела мужчины.

– Мне нужно идти, – тихо сказала она.

Гарри шагнул к девушке – и мысленно возликовал, потому что та не отпрянула. Впрочем, даже в свете луны он заметил, что она насторожилась.

– Вы же не хотите вернуться в бальный зал с покрасневшими глазами? – с улыбкой спросил он.

– Никто не заметит, – последовал ответ.

Гарри коротко рассмеялся и тут же спросил:

– Это ваш первый сезон, верно?

– Да, первый.

– Тогда послушайтесь совета того, кто старше и мудрее. Поверьте, старые сплетницы все замечают. И они разнесут сплетни дальше. Если не хотите, чтобы весь свет узнал, как вы плакали в саду, вернитесь в зал, когда полностью вернете себе самообладание.

– Мне не нравится Лондон, – усмехаясь ответила девушка.

– Ничего страшного. Со временем понравится. – Набравшись дерзости, Гарри коснулся затянутой в перчатку руки незнакомки.

Девушка, отшатнувшись, вздрогнула, но даже сквозь кожу перчатки Гарри ощутил исходящее от нее тепло. Однако же... Что теперь делать? Ведь если он сделает хоть одно неверное движение, красавица тотчас сбежит в бальный зал, даже забыв о своих заплаканных глазах...

– Я не настолько юна, чтобы не знать: незнакомцу не пристало касаться руки леди, – внезапно заявила она.

– Может, и так, миледи. Но с вашей стороны было упущением не назвать своего имени. К удивлению Гарри, красавица рассмеялась.

– Лучше вам не знать, кто я такая, – ответила она.

– А вы разве не расскажете мне, почему плакали?

Незнакомка подняла на него свои сияющие глаза, и Гарри почувствовал очередной удар... какого-то невидимого противника?

– Вы же только что дали мне понять, что никому доверять не следует, не так ли, сэр?

– Вы можете доверять мне, – пробормотал Гарри, немного смутившись.

– Уверена, что так говорят все ненадежные люди, – с усмешкой ответила девушка.

«Господи, какая же она чудесная!» – мысленно воскликнул Гарри. И тут же спросил:

– Так что нам теперь остается?

– Может, вернуться в бальный зал?

– Значит, вы меня покидаете?

– Похоже, что так, – ответила незнакомка. И вдруг широко улыбнулась – словно давала понять, что для него еще не все потеряно.

Гарри тоже улыбнулся и пробормотал:

– О, жестокая красавица...

А она, снова рассмеявшись, спросила:

– Как я могу быть жестокой, когда вы столь добры?

Гарри мысленно застонал.

– Миледи, вы говорите так, словно я – ваш престарелый дядюшка.

Девушка усмехнулась и ответила:

– В любом случае я говорю чистейшую правду.

– Но вы оставите для меня танец? – спросил Гарри.

– Моя карточка уже заполнена, – ответила красавица, на мгновение потупившись.

– А как насчет завтрашнего вечера?

– Мы можем... и не встретиться, – последовал ответ.

Расплывшись в улыбке, Гарри заявил:

– О, мы непременно встретимся, моя таинственная госпожа.

Лунного света было достаточно, чтобы Гарри увидел, каким несчастным вдруг стало лицо незнакомки.

– Нет проку со мной флиртовать, – сказала она со вздохом.

– А есть причины, да?

– Да, есть. Я несвободна.

– Вы что, замужем? – удивился Гарри.

– Пока – нет.

Пока?.. Черт возьми, что это значит?! Гарри уже собрался задать очередной вопрос, но прекрасная незнакомка вдруг резко развернулась – и исчезла в прорехах живой изгороди. Проклятье! Ему ведь так и не удалось узнать, кто она такая.

Едва слышный внутренний голос нашептывал Гарри, что незнакомка разглядела его так же отчетливо, как и он ее. И казалось, что она тоже почувствовала возникшую между ними связь, – гораздо более крепкую, нежели простое влечение. Но неужели их встреча была predetermined свыше?..

Вздыхнув, Гарри опустился на скамью. Мог ли мир мужчины измениться в одно мгновение?

Присоединившись к гостям, Гарри тотчас же заметил таинственную незнакомку. Какое-то время ему казалось, что во всем виноват лунный свет, но и теперь, при ярком освещении, от этой девушки по-прежнему захватывало дух. Хрустальные люстры осветили детали, которых Гарри не заметил прежде. Необычный оттенок золотистых волос... Кремовую кожу... Нежный румянец на щеках...

И румянец этот проступил еще более отчетливо, когда девушка, внезапно вздрогнув, бросила на него взгляд. Перехватив его, Гарри испытал ни с чем не сравнимое удовлетворение – оказалось, что незнакомка искала его среди гостей. Он следил за ней, пока она, необычайно грациозная в своем белом платье, кружилась по залу. Танцевала же красавица с маркизом Литом. Выходит, счастливым соперником Гарри был Лит Фэрбродер, сказочно богатый выходец из весьма влиятельной семьи?

А на другом конце зала хмурила брови леди Вера. Причем выражение ее лица было таким, словно она собиралась живьем содрать с Гарри кожу. Пожав плечами, молодой человек с сожалением улыбнулся. Мог ли он объяснить леди Вере, что после мимолетной встречи в саду стал совсем другим человеком?

– Кто эта симпатичная девушка, танцующая с Литом? – спросил Гарри у своего друга Бесуика.

Приятелю потребовалось несколько секунд, чтобы понять, о ком шла речь. Парень, должно быть, ослеп – ведь эта девушка затмевала всех остальных женщин.

– Блондинка? – переспросил, наконец, Бесуик.

– Да, она, – кивнул Гарри.

– Это Софи Фэрбродер. – Бесуик с удивлением посмотрел на друга. – Но не слишком ли высокие запросы для нищего младшего сына, а, приятель? Ведь она же – сестра Лита. И поговаривают, что Софи обещана в жены Десборо, хотя официальной помолвки еще не было.

«Проклятье!» – мысленно воскликнул Гарри. Но не поэтому ли плакала красавица?.. Выходит, ее выдавали замуж за нелюбимого?

– Ты говоришь о графе Десборо? – проворчал Гарри.

Бесуик рассмеялся.

– А что, есть другой? Они с Литом вращаются в одних и тех же политических кругах. К тому же этот брак объединит два весьма внушительных капитала. У девчонки – богатейшее приданое. Странно, что ты ничего об этом не слышал.

– А она любит Десборо? – спросил Гарри и тут же пожалел об этом.

Бесуик снова рассмеялся.

– Кому до этого дело, когда у нее столько золота? Господи, да я и сам занялся бы ею, не знай Лит о том, что мои карманы пусты. Хотел бы я, чтобы он переключил свое внимание на тяжбу с Седжмуром, – неожиданно добавил приятель.

– О какой тяжбе ты говоришь? – спросил Гарри.

– Парень, ты что, в пещере жил все последнее время? – с усмешкой проговорил Бесуик.

Гарри нахмурился и проворчал:

– Нет, всего лишь хоронил Питера и помогал Элиасу освоиться в новой для него роли лорда Уилмота.

На добродушной физиономии Бесуика отразилось смятение.

– Ох, прости, старина, я забыл. Всею виной мое разочарование при виде того, как жирный голубь летит к тому, чья голубятня и так уже полна.

Гарри невольно улыбнулся. Финансовые проблемы его друга были известны всею Лондону.

– Выше нос, Бесуик. Перед рассветом ночь всегда темнее.

– Особенно в тех случаях, когда не можешь позволить себе покупку свечей, – явно помрачнев, ответил молодой человек. – Ты, должно быть, слышал о том, что Ричард Хармзурт и Седжмур изобличили как вора Невила Фэрбродера, дядюшку маркиза Литта? Фэрбродер застрелился, прежде чем ему назначили наказание, однако подробности расследования наводнили газеты. Джозеф Меррик собрал неопровержимые доказательства, что неудивительно с его-то связями. Клянусь, этому человеку известно, где мышь прогрызет дыру еще до того, как это случится.

Гарри чувствовал себя так, словно действительно лишь недавно вылез из пещеры на белый свет.

– Махинации дяди отразились на всей семье?

– Большею частью. Поговаривают, будто бы Лит надеется с помощью этого показательного брака вернуть семье доброе имя.

– Стало быть, эта девушка – жертвенный агнец? – Тут танец закончился, и Гарри проследил, как Лит присоединился к компании сильных мира сего – включая и Десборо.

– Вернее – жертвенная девственница. – Бесуик понизил голос. – Десборо чертовски повезло. Деньги редко бывают упакованы в столь соблазнительную обертку.

– Прикуси-ка язык, Бесуик, – пробурчал Гарри. Даже не глядя на приятеля, он знал, что тот сейчас смотрел на него словно на умалишенного. «Что ж, возможно, я и впрямь рехнулся», – со вздохом подумал Гарри.

– Успокойся приятель, эта красавица нам не по зубам, – с усмешкой сказал Бесуик. – К тому же ты не впервые восхищаешься красавицей, разве не так?

Что верно, то верно... Гарри, как и все Торны, был склонен к порывам внезапной, но довольно продолжительной страсти, и Софи Фэрбродер даже не подозревала, какой костер разожгла сегодня в саду. Словно прочитав мысли молодого человека, красавица порывисто вскинула голову и тут же нашла его в толпе гостей. Даже с почтительного расстояния Гарри заметил вспыхнувший на ее алебастровых щеках лихорадочный румянец. Святые небеса, до чего же она была прекрасна!

Гарри твердо решил, что сделает эту девушку своей – и пусть весь мир отправляется в преисподнюю.

Глава 5

Валле д'Аоста, февраль 1828 года

Пен осторожно приоткрыла дверь своей комнаты на втором этаже. Она ужасно устала, однако сумятица в душе напрочь лишила ее сна. Пенелопа горевала из-за смерти Питера и одновременно злилась на него из-за того, что он не рассказал о своей болезни. Кроме того, ее возмущала самоуверенность Кэмдена. И еще она злилась на себя из-за того, что до сих пор считала его все таким же привлекательным, хотя временами ей очень хотелось ударить его по голове чем-нибудь тяжелым.

Увы, неожиданное появление Кэма лишь подтвердило разрывавшую душу правду. Пенелопе ужасно не хотелось признать, что она до сих пор оставалась все тем же жалким существом, все той же страдавшей от безнадежной любви женщиной, тоскующей по мужчине, который никогда не ответит ей взаимностью.

Отклонив предложение Кэмдена Ротермера, Пен приложила немало усилий, чтобы забыть его. Ее тетя вела весьма активную и интересную жизнь, общаясь с людьми, считавшими принятые в английском высшем обществе манеры слишком чопорными и ограничивающими свободу. За последние десять лет Пенелопа познакомилась со многими поэтами и композиторами, а также со странствующими аристократами, антикварами и учеными. В результате она узнала, что ее необычный характер, не получивший одобрения дома, был весьма по нраву тем, кто ценил в людях ум и силу духа. Ее разбитое сердце отчасти излечилось восхищением мужчин, наделенных недюжинным умом и изысканными манерами. Кэм ее не хотел, – но это вовсе не означало, что она нежеланна.

Иногда Пенелопа задумывалась: а мог ли место Кэмдена в ее сердце занять кто-то другой? Но, увы, она оказалась истинной представительницей семьи Торн. Все они по-настоящему любили только раз... и очень сильно.

А это означало, что она попросту не вынесет нескольких недель пребывания рядом с Кэмом. Накануне вечером она велела Джузеппе и Марии ждать ее в пять утра – какой бы ни была погода. К счастью, ночью пурга утихла и, выглянув в узкое оконце своей спальни, Пенелопа увидела, что ведущая из деревни дорога выглядела вполне сносно. Но даже если бы дорогу замело, она отправилась бы по снегу пешком – лишь бы не терпеть присутствие Кэмдена до тех пор, пока они не вернутся в Англию.

Теперь, когда в Париже ее никто не ждал, она двинется на юг – как и предлагал Кэм, – а потом отправится в Лондон.

Коридор утопал в такой густой темноте, что напоминал преисподнюю. Покинув свою комнату, Пен осмотрелась. Теперь ей оставалось лишь спуститься вниз и пробраться в конюшню.

– Собралась куда-то? – послышался знакомый мужской голос.

Пенелопа вздрогнула от неожиданности и выронила саквояж. Заметив маячившую у двери тень, она с упреком пробормотала:

– Ох, ты меня напугал...

– Очевидно, недостаточно, – сухо ответил Кэм.

Пен предпочла оставить без внимания это его замечание.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она.

– А что делаешь ты, одевшись для путешествия?

– Откуда тебе известно, что я оделась для путешествия?

– Разве я не прав? – холодно осведомился герцог. – Может, продолжим этот разговор в более уединенном месте?

– Нам нечего сказать друг другу, – заявила Пен, пытаясь пройти мимо.

– После стольких лет – и нечего сказать? – Схватив девушку за руку, Кэмден втащил ее обратно в комнату.

– Ты не имеешь права!.. – Пен попыталась высвободиться. После того как он спас ее от бандитов, Кэм прикасался к ней слишком уж часто. И каждый раз ее сердце готово было выпрыгнуть из груди.

– Возможно, не имею. Но ты можешь успокоиться и выслушать меня?

– Какой же ты негодяй! – воскликнула Пен.

– Называй меня как хочешь, – главное – выслушай. Могу я тебя отпустить?

Пенелопе ужасно хотелось его ударить.

– Да, можешь, – буркнула она.

Разжав пальцы, Кэмден прошелся по комнате и остановился у окна. Теперь его высокая и статная фигура четко выделялась на фоне видневшегося в отдалении снега. Пен зажгла свечу на столике у кровати и проговорила:

– Ужасно не хочется вновь упоминать твой титул, – но разве для герцога не унизительно спать у порога комнаты леди подобно слуге?

Кэм внимательно посмотрел на нее и едва заметно улыбнулся. И в тот же миг сердце Пенелопы на мгновение замерло в груди. Ох, как бы ей хотелось, чтобы он не был так обворожительно красив... Но, увы, его лицо с резко очерченными чертами, блестящие зеленые глаза и густые темные брови – все это по-прежнему сводило ее с ума, даже после почти десятилетней разлуки. «Но ведь это просто нечестно...» – в отчаянии подумала Пенелопа.

– Я оказался у твоей двери не по собственной воле. – Кэм немного помолчал. – Джузеппе поведал мне о твоих планах.

– Черт бы побрал Джузеппе и его длинный язык, – проворчала Пенелопа.

Герцог рассмеялся и сказал:

– Тебе следует его уволить. Он совершенно бесполезен – и даже еще хуже.

– А тебе, наверное, стоит взять его на службу, – с усмешкой заметила Пенелопа.

– Ну уж нет. Я слишком ценю преданность, чтобы нанимать этого проныру. Пен, неужели ты действительно хочешь, чтобы я постоянно следил за тобой на протяжении всего пути до Дувра?

– А ты действительно будешь следить? – спросила Пенелопа.

Герцог утвердительно кивнул.

– Да, непременно.

Господи, конечно же, он будет за ней следить! Кэм обещал Питеру доставить ее домой в целости и сохранности, и он сдержит свое слово, чего бы ему это ни стоило. Черт бы побрал его проклятые принципы!

Тяжело вздохнув, Пенелопа проворчала:

– Ты всегда был таким навязчивым?

– Да, наверное. – Кэм осмотрелся. – Так что, едем?

– Прямо сейчас?

– Ведь твой экипаж ждет, не так ли? – Герцог взял со столика свечу. – А с хозяином я расплатился еще вчера.

– Но как поступить с твоим экипажем?

– Я приехал верхом, – ответил Кэмден.

– В такую пургу? – Пенелопа уставилась на него в изумлении.

– Да в такую пургу. – Кэм немного помолчал. – Ты доставила мне массу неприятностей, Пен.

Девушка поджала губы. Она и впрямь почувствовала себя виноватой. Эта зима была поистине ужасная, и из-за нее Кэму пришлось терпеть всевозможные тяготы на протяжении нескольких недель.

– Я не просила тебя приезжать, – сказала она со вздохом.

– Действительно не просила. Но отбрось в сторону свое упрямство и признай, что путешествовать лучше с мужчиной, который обеспечит твою безопасность.

Снова вздохнув, Пен вышла из комнаты и стала осторожно спускаться по шаткой лестнице.

– Типично мужские слова, – пробурчала она.

– Но от этого они не стали менее разумными, – раздался у нее за спиной голос Кэмдена.

Проигнорировав это его замечание, Пен спустилась на первый этаж и обернулась. Кэм все еще стоял на верхней ступеньке. Стоял, освещаемый пламенем свечи... «Господи, ну почему он так привлекателен?!» – в отчаянии подумала девушка.

Но если Кэм подкупил ее кучера, то у нее не оставалось выбора. Придется ехать с ним вместе. Но Пенелопа, как и его светлость герцог Седжмур, не любила признавать свои поражения...

– Нам нужно установить правила, – заявила она.

Спускаясь по лестнице с ее саквояжем в руке, Кэмден вскинул брови, и в его глазах вспыхнули хорошо знакомые ей насмешливые огоньки.

– Правила?.. Как это не похоже на тебя, Пен. Обычно ты предпочитала, чтобы все было легко и просто.

Пенелопа с невозмутимым видом пожала плечами.

– Да, я не стала умудренной опытом матроной еще до того, как мне исполнилось двадцать, но это вовсе не делает меня ветреной. Между прочим, я путешествовала на протяжении многих лет и не испытывала при этом никаких серьезных затруднений.

– Стало быть, вчерашний день стал исключением?

Пен очень сожалела о том, что Кэм застал ее в таком... невыгодном положении. Но, с другой стороны, если бы не его вмешательство, – кто знает, дожила ли бы она до утра?

– Будешь теперь до Англии вспоминать этот случай?

– А ты весьма несдержанна на язык, девочка моя, – проговорил Кэмден так, словно одобрял ее колкости.

– Да, действительно... У меня появилось много отвратительных привычек, – сказала Пенелопа. – Так мы едем... или нет?

– Столь страстное желание поскорее отправиться вместе со мной в путешествие наполняет мое сердце ликованием.

– Сначала проводи со мной день или два в экипаже, а потом посмотрим, что ты скажешь, – огрызнулась Пенелопа, направляясь туда, где вероломный Джузеппе терпеливо ждал на козлах; породистый гнедой жеребец герцога был привязан к запяткам. Снегопад прекратился, но по-прежнему стоял нестерпимый холод, и Пен оставалось лишь надеяться, что негодяй Джузеппе в конце концов замерзнет.

Когда герцог забрался в экипаж, женщины уже закутались в меха, а лампы были зажжены. Чуть помедлив, Кэмден расположился на сиденье спиной к кучеру – безупречный джентльмен! Усевшись, он постучал по потолку, давая Джузеппе сигнал трогать. Пен с трудом удержалась от язвительного замечания, касающегося его решения взять все в свои руки. Даже будучи мальчишкой, Кэмден имел склонность командовать всеми вокруг, а за те годы, что он носил титул герцога, его диктаторские замашки еще больше укоренились.

Пен молча хмурилась, а Мария, свернувшись клубочком в углу, закрыла глаза. Кэм бросил на девушку полный неодобрения взгляд. Слуги в поместье Фентонуик, проявившие подобное неуважение к господам, увольнялись немедленно, причем – без рекомендательных писем. Но Пен не видела смысла в том, чтобы девушка бодрствовала – ведь ей сейчас совершенно нечего было делать.

Судя по всему, Кэм за прошедшие годы превратился в настоящего тирана. Будь он ее мужем, она сумела бы сбить с него спесь. Но, увы, Кэмден никогда не будет ей принадлежать.

– Твоя служанка говорит по-английски? – поинтересовался герцог.

Пенелопа отрицательно покачала головой.

– Нет, не говорит. – Горная дорога была покрыта ухабами, и Пен схватилась за кожаный ремешок, чтобы не упасть.

– Это хорошо. – Кэмден вытянул перед собой руку. – Вот, возьми...

Пен машинально потянулась к нему, и в ее ладонь упало что-то... небольшое и теплое. Она опустила глаза. Это было кольцо-печатка, украшенное гербом Седжмуров с изображением двух вставших на дыбы единорогов, рога которых перекрещивались в виде буквы Х.

Пенелопа с удивлением посмотрела на своего спутника.

– Зачем это?... – пробормотала она.

– Даю тебе его на время, – ответил герцог.

Пенелопа снова взглянула на кольцо; на протяжении нескольких столетий оно служило символом власти семейства Ротермер.

– Но зачем? – повторила она.

Кэмден на мгновение отвел глаза, потом проговорил:

– Надень его на безымянный палец левой руки. Не думаю, что кто-то нас узнает. К тому же у нас будут фальшивые имена. Однако мы привлечем меньше внимания, если люди будут думать, что мы женаты.

Чувствуя подкатывающую к горлу тошноту, Пенелопа глядела на поблескивавшее в свете ламп кольцо, которое, казалось, насмехалось над ней, напоминая о суровой реальности – напоминая о том, что она никогда не станет женой Кэмдена.

– Как... практично, – пробормотала Пенелопа.

Уловив в ее голосе неодобрение, герцог в ответ проворчал:

– Ты понимаешь, каковы будут последствия, если нас узнают? И я ведь прекрасно знаю, что ты не хочешь за меня замуж.

Пенелопа невольно вздохнула. Ей было ужасно неприятно осознавать, что Кэм так ее и не простил. Хотя оба они знали, что она оказала ему услугу, ответив на его предложение отказом.

– Кэм, ты не можешь так долго злиться на меня из-за отказа. Это просто бессмысленно. Тем более что теперь, когда мы встретились снова, ты уже наверняка понял, что из меня вышла бы самая плохая на свете жена.

Кэмден поджал губы.

– Не лсти себе, Пен. Я давно уже пережил ту нашу юношескую размолвку. Слова эти прозвучали неубедительно, хотя Пенелопа прекрасно знала: совсем не в характере Кэмдена проигрывать столь недостойно. В детских играх он почти всегда выходил победителем, а если случалось так, что Кэм не побеждал, – то он все равно держался с завидным достоинством, не злился и не хмурился.

– Тогда перестань вспоминать об этом, – огрызнулась Пенелопа.

– Я просто предложил тебе кольцо и невольно вспомнил о той ситуации, вот и все, – проворчал герцог.

Сердце Пенелопы тяжело заныло. Вот если бы вместе с кольцом Кэм предложил ей еще и любовь, то они давно уже были бы женаты...

Надев кольцо на палец, она проговорила:

– Все было куда проще, когда я путешествовала одна.

– Перестань, Пен. Мы будем вместе, пока не достигнем берегов Англии, не дольше. Ты всегда злишься, когда проигрываешь. – Откинувшись на спинку сиденья, Кэм скрестил руки на груди. Его черный плащ был настолько ладно скроен, что совершенно не стеснял движений.

Кэмден всегда был ловким и сильным, а за последние девять лет превратился в человека, готового воевать хоть с целым миром – и одержать победу.

– Я не проиграла, – холодно возразила девушка. – А уехала я просто для того, чтобы переосмыслить свою жизнь.

– Не злись на меня, Пен. Я обещал Питеру доставить тебя в Англию, поэтому должен сделать это.

Немного помолчав, Пенелопа с язвительной улыбкой спросила:

– И что будет, когда мы приедем? Станешь преследовать меня до тех пор, пока я не умру от старости... или скорее от раздражения?

– Как только я довезу тебя до дома в целости и сохранности, можешь катиться ко всем чертям, – пробурчал в ответ герцог.

Глава 6

Четуэлл-Хаус, Лондон, февраль 1828 года

Гарри не упустил момента, когда Софи выскользнула из переполненного зала, и это было совсем не удивительно – ведь он следил за каждым ее движением.

Всю прошедшую неделю он с нетерпением ждал того момента, когда снова сможет остаться с ней наедине. Страстное желание поговорить с ней о чем-то более важном, нежели погода, росло в его душе, угрожая завершиться... взрывом.

В ту ночь, когда они встретились, ему, к счастью, удалось добиться официального представления; и он даже станцевал с ней контрданс, а потом – и польку, что оказалось весьма непросто, поскольку она стремительно превращалась в объект всеобщего внимания. Во время танца Гарри ограничивался уместными в таком случае банальностями. Впрочем, он должен был радоваться уже тому, что прикасался к ее руке и наслаждался выражением робкого восхищения, горевшего в прекрасных голубых глазах.

... А вот сегодня на балу не было ни бдительного маркиза, ни лорда Десборо. При других обстоятельствах Гарри восхищался бы подобным отношением Лита к сестре. Ведь ничем не примечательный младший сын из обедневшей семьи – совсем не пара сестре маркиза Лита. Однако Софи непременно должна была выйти замуж за обожающего ее мужчину, а не за такого человека, как Десборо, считавшего будущую жену не более чем красивой игрушкой, которой можно восхищаться, а можно и совсем не замечать, если не хочется.

Гарри не входил в круг высокопоставленных приятелей Десборо, но ему казалось, что он не замечал особой неприязни между Софи и предназначенным ей в мужья мужчиной. Впрочем, было очевидно, что и искренней симпатии они друг к другу не питали.

Проклятье! Она заслуживала лучшей участи.

Заслуживала ли она Гарри Торна или нет, – в любом случае выбор оставался за ней.

Молодой человек проследовал за Софи до галереи, окна которой смотрели на сад, а распахнутые двери вели на террасу. Хотя стояла довольно мягкая для февраля погода, Гарри все же поежился от прохладного воздуха.

В дальнем конце галереи ворковала какая-то парочка, а Софи остановилась перед портретом джентльмена в парике и с двойным подбородком. В платье из розового шелка и с подобранными вверх волосами, перевитыми нитками жемчуга, София выглядела изумительно. Гарри остановился в нескольких шагах от девушки, дожидаясь, когда парочка выйдет в сад.

– Вы что, преследуете меня? – не оборачиваясь, спросила Софи.

– Да, – ответил Гарри. «Какой смысл отрицать очевидное?» – сказал себе молодой человек и, чуть помедлив, осторожно подошел поближе к девушке. Он решил не торопиться, чтобы не напугать ее.

– Брат предостерегал меня насчет вас, – сказала Софи, она по-прежнему стояла не оборачиваясь.

«Какой же ее братец негодяй!» – промелькнуло у Гарри.

– А что именно он сказал? – Теперь они с Софи были совсем одни, но Гарри все равно говорил очень тихо – на всякий случай.

– Брат сказал, что вы – охотник за приданым.

Молодой человек невольно рассмеялся.

– Но вы же знаете, что мне нет никакого дела до ваших денег. – Гарри вдруг подумал о том, что получал огромное удовольствие даже от того, что просто стоял рядом с этой девушкой, вдыхая исходивший от нее нежный аромат.

– Именно так и говорят все охотники за приданым.

– Да, наверное. Но я вам не лгу. – Гарри немного помолчал. – Ваш брат наверняка сказал что-то еще, не так ли?

Девушка пожала плечами и проговорила:

– И еще он сказал, что ваша семья...

– Пользуется дурной славой?

И тут Софи, наконец, повернулась к нему лицом и взглянула на него с любопытством.

– После того как дядя Невил совершил преступление, моей семье тоже нечем похвастаться, – сказала девушка.

«Странно, что она заговорила об этом скандале», – подумал Гарри. Теперь стало ясно, что Софи Фэрбродер – не такая уж чувствительная... И это означало, что ее слезы в саду дома Олдхейвенов были вызваны чем-то очень серьезным...

Несмотря на твердое намерение держаться в рамках приличий, Гарри взял девушку за руку. Софи охнула в удивлении, но не отстранилась. Гарри же, воодушевившись, тихо спросил:

– Если я затащу вас сейчас в отдельную комнату, вы закричите?

Он не знал, какой именно реакции ожидал от девушки, – но уж точно не хихиканья. Она, однако же, хихикнула и проговорила:

– Это зависит от того, что вы намереваетесь сделать.

Ошеломленный таким ответом, Гарри на мгновение лишился дара речи. Выходит, Софи его совершенно не боялась! Более того, теперь она смотрела на него с явным интересом. Что ж, да поможет ему Господь! Сжимая изящную руку Софи и утопая в ее голубых точно летнее небо глазах, Гарри с улыбкой ответил:

– Не так много, как мне хотелось бы. – С этими словами он увлек девушку за ближайшую дверь, и тихий щелчок задвижки прозвучал словно раскат грома.

Сердце Гарри бешено колотилось в груди от возбуждения и беспокойства. Ведь если их обнаружат, кому-то придется дорого заплатить.

– Это опасно, – проговорил Гарри, машинально взяв девушку за другую руку. В комнате же было абсолютно темно – точно в угольной шахте.

– Я знаю. Мой брат – очень меткий стрелок, – ответила Софи.

Гарри снова улыбнулся и тихо сказал:

– Ради нескольких минут с вами наедине я готов рискнуть чем угодно.

– Будете ли вы думать точно так же, когда мой брат всадит вам пулю в лоб? – В тишине комнаты отчетливо слышалось прерывистое дыхание Софи; она нервничала гораздо сильнее, чем хотела показать.

Заставив себя рассмеяться, Гарри заявил:

– Встреча с вами того стоит.

Девушка тоже рассмеялась.

– Какой же вы льстец...

Гарри знал, что заслуживал насмешки, но все равно невольно поморщился. Ну как же ей объяснить, что она для него – одна-единственная?

– Меня хватятся, если я буду отсутствовать слишком долго, – сказала девушка.

Гарри улыбнулся.

– Слишком долго?... Звучит заманчиво.

– Почему вы так думаете?

– Потому что вы все же решили остаться.

Софи не стала этого отрицать, и Гарри понял: чем больше он ее узнавал, тем больше она ему нравилась.

– Так вы охотник за приданым? – неожиданно спросила Софи.

– А вы как считаете? – Исходивший от Софи аромат все сильнее возбуждал молодого человека.

– Я считаю, что думала о вас слишком много.

Мысленно возликовав, Гарри взял ее лицо в ладони.

– А я постоянно думаю о вас, Софи. Скажите, вы собираетесь замуж за Десборо?

– Этого хочет мой брат. – Девушка пожала плечами.

– А чего хотите вы сами?

– Я думаю, что это хорошая партия, – без всякого воодушевления ответила девушка.

– Настолько хорошая, что вы плакали на скамейке в саду? – Гарри опустил руки.

– Я не...

– Не лгите, Софи. Только не мне.

– Вы не можете называть меня по имени.

Гарри тихо засмеялся.

– А как же вас называть? Ведь если мужчина оказался наедине с женщиной, в темной кладовке, то ему не следует называть ее «миледи» – это общеизвестное правило.

Ответный смех Софи прозвучал для Гарри точно чудесная музыка.

– Вы не производите впечатления человека, следующего каким-либо правилам, мистер Торн.

Желание поцеловать эту девушку росло с каждым мгновением, но молодой человек все же сдерживал себя, так как боялся ее отпугнуть.

– Не верьте сплетням, Софи. Кстати, меня зовут Гарри.

Последовавшая за этими словами пауза была исполнена глубокого смысла. После чего девушка тихо сказала:

– Значит, Гарри... – И снова ее голос прозвучал для него подобно музыке.

Сердце молодого человека гулко забилося, и он прошептал:

– О чудесная милая Софи...

Хотя спешка, по мнению Гарри, была совершенно неуместна, он все же заключил девушку в объятия.

– Ах!... – Софи дернулась, пытаясь уклониться от его поцелуя.

Разжав объятия, Гарри отступил на шаг и пробормотал:

– Простите, так получилось...

К его изумлению, Софи схватила его за ворот рубашки и сказала:

– Не извиняйтесь. Я просто не ожидала...

– Но я не имел права...

– Для повесы вы ведете себя слишком уж по-рыцарски, Гарри Торн, – перебила девушка.

Снова приблизившись к ней, Гарри полюбопытствовал:

– А вы не хотите, чтобы я вел себя как рыцарь?

– Хочу, но не сейчас, – тут же последовал ответ.

– Вы заслуживаете большего, нежели тайный флирт, – произнес Гарри, обнимая девушку за талию. – Но с того самого дня, когда мы впервые встретились, я только и делаю, что мечтаю о вас.

Во вздохе Софи прозвучало удивление.

– Правда? – прошептала она.

– Да, чистейшая. И я мечтал о том, чтобы вас поцеловать. – Разумеется, Гарри думал и о других вещах, но об этом он решил умолчать.

– Мне бы хотелось сделать ваши мечты явью, – ответила Софи, и груди ее слегка коснулись груди молодого человека. – Вы поцелуете меня, Гарри?

– О, Софи... – исходивший от нее аромат пьянил молодого человека подобно крепкому вину, затуманивающему разум.

– Что, не хотите? – шепотом спросила девушка.

– Конечно же хочу, – ответил Гарри. И тут же судорожно вздохнув, добавил: – Простите, я веду себя не по-джентльменски.

– Вы ведете себя слишком уж по-джентльменски, – пробурчала Софи, явно недовольная его словами.

– Но дорогая, ваша репутация...

– Не желаю ничего слышать, – перебила девушка, – если только это не «поцелуйте меня, Софи».

О, проклятье! Ну как тут устоять?!

– Поцелуйте меня, Софи, – прошептал Гарри.

Он тотчас же привлек ее к себе и накрыл ее губы своими. Губы Софи слегка подрагивали, и подобная неуверенность убедила Гарри в том, что это был ее первый поцелуй, а если так...

Интуиция подсказывала ему, что следовало действовать с крайней осторожностью, поэтому он не углублял поцелуй до тех пор, пока дыхание девушки не стало прерывистым. Ну, а затем... Губы Софи оказались необычайно сладостными, и Гарри на несколько мгновений почудилось, что весь мир перестал для него существовать – оставались лишь неловкие, но вместе с тем страстные поцелуи Софи, ее прерывистые стоны, а также прижимавшееся к нему нежное тело девушки, сотрясаемое дрожью...

В какой-то момент Гарри вдруг понял, что Софи больше не отвечала на его поцелуи. Чуть отстранившись, он попытался разглядеть в темноте ее лицо.

– Милая, почему...

– Шшш!.. – Крепко вцепившись в рубашку Гарри, девушка снова задрожала, на этот раз – от ужаса.

И тотчас снаружи послышались голоса. «Проклятье!» – мысленно воскликнул Гарри. Разумеется, он боялся не за себя, а за Софи. Ох, какой же он идиот! Ну почему он затащил ее сюда?

Гарри силился расслышать, не упоминают ли появившиеся в галерее люди сестру маркиза Лита. Однако они обсуждали ужин. И это были... Да-да, теперь он узнал голос хозяйки дома, говорившей с дворецким.

На какое-то мгновение Гарри расслабился, но потом его снова охватил ужас. А что если дворецкому понадобится что-то в этой крошечной кладовой?

Гарри и Софи по-прежнему стояли, прижавшись друг к другу. Наконец голоса стихли, и молодой человек тихо сказал:

– Необходимо вывести вас отсюда.

Прижавшись щекой к его груди, девушка прошептала в ответ:

– Я думала, что умру, когда их услышала.

– Мне не следовало затаскивать вас сюда. Но я так отчаянно желал видеть вас, а ваш брат – точно колли, охраняющий сокровище.

– Он ужасно боится, что охотники за приданым нарушат его планы. Но ведь вы – не охотник за приданым, верно?

– Да, так и есть, – ответил Гарри и задумался: неужели так и есть?

– Охотник за приданым не преминул бы запятнать мою репутацию, чтобы добиться брака, – продолжала девушка.

Брака? Это слово зазвучало в ушах Гарри точно звон огромного колокола. И теперь он окончательно осознал, что перед ним стоял нелегкий выбор: забыть об этой девушке – или же подпортить ей репутацию... И жениться на ней?

– Гарри, что случилось? – прошептала Софи.

Он промолчал, понимая, что еще рано говорить о далеко идущих планах. Тут девушка шевельнулась в его объятиях, и Гарри тихо сказал:

– Мы здесь уже слишком долго. Пора уходить отсюда.

– Да, наверное. – В голосе Софи слышалось сожаление. – Но я... я увижу вас снова?

Вопрос показался Гарри ужасно забавным, и он, едва удержавшись от смеха, проговорил:

– А как вы думаете?

– Не знаю... – Девушка пожала плечами. – У меня совсем нет опыта в таких делах.

Гарри невольно вздохнул. А у него совсем не было опыта в любви, и, следовательно, в этом сияющем новом мире они оба являлись новичками.

– Софи, когда я могу с вами встретиться?

– В парке. – В голосе девушки слышалось облегчение. – Завтра я отправляюсь на прогулку верхом.

– С братом?

– На этой неделе его нет в городе.

– Я вас непременно найду, – заявил Гарри.

– Очень надеюсь. – В голосе Софи прозвучали нотки неуверенности.

– Клянусь, что найду, – добавил молодой человек.

Софи несколько секунд молчала, потом вдруг прошептала:

– Не хочу от вас уходить.

И каким же счастьем наполнилось сердце Гарри при этих ее словах, хотя из-за них расставаться оказалось еще труднее.

– А мне не хочется вас отпускать, но придется. – Он собирался лишь поцеловать Софи, а затем отстраниться, но тотчас же снова ощутил, что тонет в пучине вожделения.

Не подозревая о том, что спасает его от верной гибели, девушка осторожно отворила дверь кладовки.

– До завтра, – прошептала она, переступая порог.

– До завтра, – ответил Гарри.

После того как дверь за Софи с легким щелчком закрылась, Гарри еще какое-то время простоял в темной кладовке, ибо сейчас был совершенно не расположен к светским беседам с остальными гостями.

Глава 7

Фонтана дей Монте. Итальянские Альпы, февраль 1828 года

Снова началась метель. По мере того как продолжалась эта ужасная неделя, Пен все больше склонялась к мысли, что весь мир состоял лишь из снега, льда и ветра. А также из облюбованных вшами гостиниц и грубых слуг.

И конечно же еще из мужчин, отдававших приказания. Вернее – из одного мужчины, указывавшего ей, что она должна делать.

Герцог Седжмур и Пенелопа путешествовали под именем лорда и леди Пембридж, используя так называемый «титул учтивости»⁵ Седжмуров. Девушка предполагала, что теперь, когда горы остались позади, в гостиницах будет больше людей, так что им с Кэмом следовало соблюдать еще большую осторожность – на случай, если они встретят кого-то из знакомых.

А сейчас экипаж медленно катился по занесенной снегом деревеньке, где им предстояло провести ночь – так решил мужчина, взявший на себя обязанность распоряжаться ее, Пен, судьбой. И теперь Кэмден сидел рядом с ней, но при этом упорно смотрел в окно – словно простиравшиеся за ним снега были гораздо привлекательнее, чем его попутчица. День тянулся бесконечно долго, а проехали они сегодня не так много, как хотелось бы. Увы, с величайшим трудом преодолевали каждую милю, и это приводило в уныние. Пен в конце концов была вынуждена признать, что Кэмден оказался прав – ехать через Альпы в феврале было бы крайне неразумно и даже опасно.

Пенелопа уже не раз замечала, что на людях Кэм обращался с ней с должным уважением, от которого ей хотелось заскрежетать зубами. А их редкие беседы наедине отличались открытой враждебностью.

Наконец экипаж остановился – и дернулся, отчего тотчас проснулась дремавшая на противоположном сиденье Мария. Пен ужасно завидовала своей служанке, способной засыпать в любой обстановке. Странно, но Мария с легкостью приняла известие о том, что ее госпожа и герцог будут путешествовать под видом супружеской пары.

Отчаянно желая размять онемевшие ноги и еще более отчаянно желая покинуть гнетущую атмосферу экипажа, Пен распахнула дверцу и прыгнула на землю, прежде чем Паоло – их новый кучер – успел подать ей руку. Сама того не желая, она взглянула на Кэмдена, ожидая увидеть на его лице привычное осуждение, однако выражение его бдительных зеленых глаз удивило и даже отчасти обеспокоило Пенелопу. Будь на его месте другой мужчина, она оценила бы это выражение как проявление некоторого интереса. Но ведь Кэм относился к ней как к некой неприятной обязанности, не так ли? И все же от его оценивающего взгляда Пен сделалось не по себе – как если бы кто-то провел по ее руке ледяной ладонью.

После нескольких недель путешествия по ухабистым дорогам Кэмден уже не казался образчиком британской мужественности. Его галстук загрязнился, одежда помялась, а сапоги покрылись толстым слоем грязи. А еще он выглядел усталым, хотя и делал вид, будто ему абсолютно чужды обычные человеческие слабости. Кроме того, он казался сейчас ужасно одиноким. Возможно, именно поэтому голос Пенелопы звучал почти дружелюбно, когда она спросила:

– Кэм, ты идешь внутрь?

Паоло уже исчез за дверью, и Кэмден с обычной холодностью посмотрел на свою спутницу.

⁵ Титул учтивости не давал права на членство в Палате лордов. Такой титул по обыкновению носили дети герцогов, маркизов и графов.

– Да, конечно, – ответил он. Да и голос его звучал как обычно – холодно и пренебрежительно.

Пенелопа с трудом подавила вздох разочарования. Увы, их легкое дружеское общение осталось в далеком прошлом. Но ей ведь следовало этому радоваться, не так ли? Менее всего ей хотелось бы регулярно получать напоминание о том, каким замечательным другом был когда-то Кэмден Ротермер. Но взывать к здравому смыслу довольно сложно, когда проводишь так много времени со сварливым аристократом на бесконечной дороге в ад.

– Тогда идем быстрее. Я замерзла, – проворчала Пен.

Мрачная улыбка тронула губы Кэма, когда он вышел из экипажа и протянул Пенелопе руку.

– Как прикажете, миледи.

Девушка со вздохом взяла герцога под руку. Присутствие этого мужчины казалось настоящей пыткой, не прекращавшейся ни на секунду. С годами образ Кэмдена немного померк и превратился в слишком уж идеализированное воспоминание. Настоящий же Кэм оказался более сложным... и более интригующим.

В этот момент перед ними вновь возник Паоло; на его круглом добродушном лице была тревога.

– Милорд, миледи, возникла проблема, – сказал кучер.

Немного удивленная этим сообщением, Пен повернулась к человеку, которого научилась уважать за его способность выпутываться из любых ситуаций – даже, казалось бы, безвыходных. Кэмден поступил по отношению к ней крайне неуважительно, уволив труса Джузеппе без ее разрешения. Но зато он где-то откопал такое сокровище, Паоло, и за это можно было кое-что ему простить.

– Что случилось? – спросила Пенелопа.

– Непогода разрушила половину гостиницы, так что для ночлега пригодна всего одна комната, – ответил кучер.

– Это совершенно неприемлемо, – проворчал Кэм, а перед Пен тотчас же возникли кошмарные видения.

Паоло пожал плечами, и на его лице отразилось вполне понятное замешательство. Кучер ни разу не выказал удивления, когда его хозяева снимали отдельные комнаты, – очевидно, он принимал это за эксцентричность британской аристократии. И все же в случае необходимости супруги могли бы разделить одну комнату, не так ли?

Ведь ехать дальше в такую холодную февральскую ночь не представлялось возможным.

– Мы поедем дальше, – решительно заявил герцог.

Перспектива оказаться в пути в такое ненастье заставила запротестовать даже обычно невозмутимого Паоло.

– Signore, следующая деревня в десяти милях отсюда, за горой. А ночью ожидается сильный снегопад.

– Но если мы запрежем свежих лошадей...

– Кэм, мы не можем сейчас отправиться в путь, – перебила Пенелопа. – Это очень опасно.

– Пен, где же твоя смелость? – Его светлость пристально посмотрел на свою спутницу. – Ведь ты недавно собиралась отправиться в путь по ледникам в гордом одиночестве...

Пенелопа поморщилась. О, как же ей сейчас хотелось сунуть Кэма головой в сугроб! Решив, что спорить с ним бесполезно, она обратилась к Паоло.

– Что ж, если в гостинце свободна всего одна комната, то мы ее берем. Спасибо за заботу.

Паоло покраснел от удовольствия.

– *Grazie*, миледи!

– Зайдемте внутрь, мадам? – вполголоса произнес герцог. – Я-то думал, вы ни за что не согласитесь остаться здесь на ночь.

Бросив на него пылавший гневом взгляд, Пенелопа заявила:

– Было бы глупо ехать по сугробам в такую погоду.

– Ночевать в одной комнате – не менее глупо, – ответил Кэмден.

– Ты мог бы переночевать в общем зале, – заметила Пенелопа с ехидной усмешкой.

– Или ты, – буркнул Кэм.

К счастью, в этот момент к ним вышел хозяин гостиницы, так что Пен была избавлена от необходимости отвечать на провокационное заявление «супруга».

После на удивление вкусного ужина Кэм поднялся по дубовой лестнице в единственное пригодное для проживания помещение в гостинице. До сего момента это заведение превосходило по качеству обслуживания все остальные.

За исключением одного малоприятногo обстоятельства – наличия одной-единственной комнаты.

Несмотря на угрозу заставить Пенелопу ночевать в общем зале, заполненном людьми – ведь Паоло оказался прав насчет грядущей метели, – Кэм не собирался лишать ее удобств. В результате чего оказался в весьма затруднительном положении.

Герцог проверил, так ли сильно повреждены остальные комнаты, как утверждал хозяин; когда же он понял, что ночевать в них действительно невозможно, то решил провести ночь в общем зале. Но там оказалось слишком уж людно. К тому же его нежелание делить комнату с женой пробудило бы ненужное любопытство даже в этой богом забытой деревушке. Путешествующие англичане и без того привлекали к себе слишком много внимания, а уж муж-англичанин, отказывающийся спать с собственной красавицей-женой, и вовсе стал бы притчей во языцех.

Ирония состояла в том, что Кэм отдал бы руку на отсечение за право спать в одной постели с Пенелопой. В полном отчаянии герцог попытался сосредоточиться на мыслях о леди Марианне Ситон. Он еще не сделал ей официального предложения, однако его интерес не остался незамеченным самой вышеозначенной леди и всем высшим обществом. Так что никто не удивился бы, если бы по возвращении в Лондон Кэм попросил у маркиза Бейлдона руки его дочери.

Однако во время путешествия с Пен сохранять воспоминания о леди Марианне было не так-то просто, и теперь ее лицо представлялось Кэмдену какой-то расплывчатой тенью. Единственным лицом, постоянно возникавшим у него перед глазами, было лицо Пенелопы, черт бы ее побрал! И черт бы побрал его стремление оберегать ее. Собравшиеся в общем зале путники выглядели крайне усталыми, но все же среди них вполне могли оказаться злоумышленники. Именно так размышлял Кэм, поднимаясь на второй этаж.

Что же касается Пенелопы... Он почти не сомневался в том, что она не захочет делить с ним комнату – пусть даже до него очень многие мужчины удостоились подобной чести.

Кэм слишком долго терзался мыслями о ее любовниках. И предпочитал не знать подробностей. Но, увы, это давало волю фантазии. А фантазия у него была очень богатая...

Остановившись перед дверью, Кэм сделал глубокий вдох, напомнив себе, что он – джентльмен. Оставалось лишь надеяться, что суровые условия обуздадут его весьма несвоевременное и совершенно нежелательное чувственное томление. И еще он надеялся, что его высокомерие и властность будут держать Пен на расстоянии. Собственно, так пока что и было...

Неприятная правда, однако же, состояла в том, что колючая Пенелопа казалась не менее привлекательной, чем Пен вежливая и улыбочивая. А уж если она перейдет от вежливости к доброжелательности... Ох, тогда все его благие намерения не будут стоить и гроша.

Пен могла искать любовников где угодно, но она оставалась девушкой из хорошей семьи. Так что если герцог Седжмур уложит в постель дочь лорда Уилмота, в качестве расплаты ему

придется надеть ей на палец обручальное кольцо. И вот теперь, стоя перед закрытой дверью и сгорая от желания, Кэм начал думать, что ему, возможно, так и следовало поступить.

Ощувив внезапный прилив гнева – черт бы ее побрал, эту Пен, – Кэмден распахнул дверь, вошел в эту тускло освещенную комнату и замер, ошеломленный возникшей перед ним картиной. Совершенно обнаженная и поднимавшаяся из ванны точно богиня из источника вечной молодости, Пенелопа едва не ослепила его молочной белизной своей кожи, поблескивавшей в пламени свечи.

Сердце Кэма гулко забилося в груди, а в ушах загудело от охватившего его вожделения. Пенелопа же стояла спиной к двери, являя взору Кэмдена стройную шею – ее волосы были приподняты и собраны на затылке, – а также грациозную спину и изящные бедра.

«Господи, помоги!» – мысленно воскликнул герцог, взглянув на ягодицы красавицы. Ему ужасно хотелось обхватить ладонями эти восхитительные округлости. Ни разу в жизни он не видел ничего прекраснее поднимающейся из ванны Пенелопы Торн.

Но Кэм наслаждался этим зрелищем лишь до тех пор, пока Пен внезапно не повернулась к нему – возможно, он издал какой-то звук. Или, может быть, холодный воздух проник в распахнутую дверь.

Увидев его, Пенелопа в ужасе вскрикнула. И несколько секунд, показавшихся Кэму вечностью, они молча смотрели друг на друга. Кэмден прекрасно понимал, что немедленно должен был уйти, ибо не имел никакого права разглядывать стоявшую перед ним обнаженную красавицу. И все же он никак не мог отвести от нее глаз...

Тут Пенелопа вдруг нахмурилась – ее испуг сменился негодованием – и, схватив со стоявшего рядом с ванной низкого столика старенькое полотенце, поспешно в него закуталась.

– Закрой дверь, – сказала она с дрожью в голосе.

Не отводя глаз от девушки, Кэм завел руку за спину, чтобы выполнить ее просьбу. Но Пен, снова нахмурившись, добавила:

– Закрой с другой стороны. – Она по-прежнему прижимала к груди полотенце, хотя могла бы этого не делать – мокрая ткань ветхого полотенца почти не скрывала ее наготу; более того, теперь она казалась даже еще более привлекательной, нежели полностью обнаженная.

Вероятно, осознав это, Пенелопа судорожно сглотнула.

– Зачем ты пришел? – спросила она. И посмотрела на Кэмдена так, словно ожидала нападения.

– Я буду спать здесь, – пробормотал герцог.

Пен решительно покачала головой.

– Только через мой труп, – заявила она.

Тихо вздохнув, Кэмден сказал:

– Вернись через десять минут.

– Но я вообще не хочу тебя сегодня видеть.

Кэмден пожал плечами и, снова вздохнув, проговорил:

– Если быстро заснешь, то и не увидишь.

Схватив со столика мыльницу, Пенелопа размахнулась, явно собираясь запустить ею в герцога. Кэмден едва успел выскочить в коридор и захлопнуть за собой дверь – в следующее мгновение керамическая плошка со звоном разбилась.

– Черт бы побрал эту мегеру, – пробурчал Кэм. Черт бы побрал эту необыкновенно красивую мегеру... Мегеру, в глазах которой на какое-то мгновение вспыхнуло желание – он был абсолютно в этом уверен.

Лежа в постели и тщетно пытаясь заснуть, Пен до сих пор ощущала на щеках пылающую краску стыда. Несмотря на угрозу, Кэм так и не вернулся, и Пенелопа не знала, чувствовать ли облегчение или досадовать. Она вновь и вновь вспоминала сцену с ванной и вздрагивала

от ужаса... и запретного возбуждения. Пен была совершенно уверена: в какое-то мгновение из-под маски холодного равнодушия показался совсем другой Кэмден... Да-да, она разглядела в его глазах жгучее желание, которое он не в силах был скрыть, как бы ни старался. Но, может быть, это – всего лишь естественная реакция мужчины на обнаженную женщину?..

Размышляя подобным образом, Пенелопа приподнялась и села на кровати. Немного помедлив, она потянулась за теплым голубым халатом. Ночь была невероятно холодная, и даже в этой комнате с пылавшим камином Пен дрожала от холода под несколькими одеялами. Возможно, Кэм и впрямь хотел ее, но она доверяла его самообладанию. И, наверное, не следовало заставлять его мерзнуть в общем зале, в то время как она завладела удобной кроватью.

Пенелопа накинула на плечи клетчатую шаль и, отворив дверь, осторожно выглянула в полутемный коридор. Она надеялась встретить услужливую горничную, но, не обнаружив таковой, решила спуститься вниз.

Но время словно повернуло вспять – все повторялось в точности так же, как в то утро, когда она попыталась сбежать от Кэма.

– Что случилось, Пен? – внезапно послышался его голос.

Девушка вздрогнула от неожиданности и, повернув голову, заметила своего спутника, сидевшего у противоположной стены и завернувшегося в плащ.

– Боишься, что я сбегу? – спросила Пенелопа.

– Нет. – Кэм потер кулаками глаза, и даже в тусклом свете коридорных ламп Пенелопа разглядела на его лице печать усталости. Но неужели его так измотало вожделение? Или же она просто выдавала желаемое за действительное?

– В таком случае что ты здесь делаешь?

Герцог пожал плечами.

– Да, ничего... Ведь в твоей комнате я нежеланный гость.

Пенелопу охватило чувство вины. В коридоре было значительно холоднее, чем у нее в комнате.

– Я думала, ты спустился вниз. Там же есть камин...

– И не меньше сотни людей, большинство из которых заражено вшами и лишь отдаленно знакомо с мылом и водой. – Поморщившись, Кэмден потянулся, а потом медленно поднялся на ноги.

Пенелопу же вновь охватило чувство вины. Кэм ничего не сказал, но она догадалась, что он остался здесь, чтобы ее охранять.

– У меня вшей нет, – сказала она, поплотнее запахивая на груди шаль. Несмотря на бархатный халат и старушечью ночную сорочку из фланели, Пенелопа, заглядывая Кэмдену в глаза, чувствовала себя обнаженной; она никак не могла забыть его пылавший страстью взгляд. «Господи, если так все будет до тех пор, пока мы не достигнем берегов Англии, то я попросту сойду с ума», – подумала она, невольно вздохнув.

– Пока нет, – сухо ответил Кэм. – Но до Генуи еще далеко, так что каждую ночь нам придется проводить в таком же заведении, как это.

Пенелопа снова вздохнула. Наверное, ей следовало выразиться яснее. Странно, ведь они с Кэмом всегда понимали друг друга с полуслова...

Стараясь не думать о том, что этот мужчина видел ее обнаженной, Пен проговорила:

– Ты можешь войти.

К ее удивлению, Кэм не спешил воспользоваться приглашением.

– Здесь безопаснее, – пробурчал он. Но в конце концов все же подошел к открытой двери.

Увидев на полу у порога осколки мыльницы, герцог едва заметно усмехнулся.

– Другой у меня нет, – со вздохом пробормотала Пенелопа.

– Зато у тебя имеется крепкая броня, – ответил Кэмден и на сей раз по-настоящему улыбнулся. Улыбнулся так, что в уголках его глаз появились очаровательные морщинки. Ох,

как бы ей хотелось, чтобы его лицо не становилось еще красивее от такой улыбки. Как бы ей хотелось, чтобы ее сердце не было столь восприимчиво к его чарам.

– Броня? – переспросила она.

– Да, ты надежно укутана. С ног до головы. – Кэм взглянул на нее вопросительно. – Что заставило тебя передумать? Ведь всего час назад ты готова была меня убить.

Пенелопа густо покраснела.

– Я бы предпочла об этом забыть, – ответила она.

Морщинки у глаз Кэмдена стали еще заметнее.

– Что ж, охотно верю.

– Так ты зайдешь? – спросила Пенелопа. – Заходи быстрее. Мне холодно.

Скрестив руки на груди, Кэмден снова отошел к стене.

– Замерзла в таком наряде? – Он покачал головой. – Ни за что не поверю.

Пенелопа нахмурилась и взялась за ручку двери. «Пусть негодяй превратится в ледышку!» – подумала она.

– Подожди, – тихо произнес Кэм, и вновь шагнул к двери.

И сейчас, глядя ему в глаза, Пенелопа уже несколько не сомневалась в обуревавшем его желании. Да, он действительно ее хотел, и в результате возникал вопрос, приводивший Пен в замешательство. «Что же мне теперь делать?» – спрашивала себя девушка, так как чувствовала, что ее все сильнее влечет к этому мужчине. В какой-то момент она решила поддаться порыву и сделать то, чего хотели они оба, но потом вспомнила свои страдания накануне отъезда из Англии, а также жуткую пустоту, навечно поселившуюся в ее душе. Ведь было совершенно очевидно: если Кэм сейчас овладеет ею, она уже никогда не освободится от похожего на агонию томления...

И, что еще хуже, Кэмден никогда себя не простит, если забудет о чести джентльмена и окажется в постели с подружкой детства. Да и сама она вряд ли сможет простить себя, ибо на плечах Кэмдена лежало и без того тяжелое бремя и не следовало добавлять к нему звание «еще одного мерзавца Ротермера».

Ох, как же все запуталось!..

Пенелопу охватил жуткий страх, и она даже хотела оставить Кэмдена мерзнуть в коридоре, но потом все же сказала себе, что должна быть выше своего страха. По-прежнему не слишком доверяя себе, Пен вновь пригласила Кэмдена войти, и на этот раз он не стал возражать.

– Можешь спать на правой стороне, – сказала она, стаскивая с плеч шаль и бросая ее на стул. – Надеюсь, ты не храпишь.

На лице Кэмдена отразилось беспокойство.

– Ты хочешь, чтобы я спал в твоей постели? – спросил герцог.

Пен взглянула на него с раздражением.

– Простая любезность, милорд. Сегодня невероятно холодно.

– Ты настолько мне доверяешь?

Ох, да поможет ей Господь! Что ж, она действительно всегда ему доверяла. Начала доверять еще до того, как влюбилась в него. И ничто не могло поколебать этого доверия – даже его высокомерие и даже мысль о том, что он ее хотел.

– Конечно, доверяю. Или ты предпочитаешь спать на полу? Только тогда я смогу отдать тебе лишь одно одеяло.

Кэмден нахмурился и проворчал:

– Нам нужно поговорить.

Пенелопа перестала расправлять простыни, сбившиеся за то время, что она ворочалась, не в силах уснуть.

– Сейчас уже полночь, – заметила она со вздохом.

Кэмден выпрямился точно солдат на параде и решительно заявил:

– Но я должен сказать это сейчас, немедленно.

Охваченная тревожным предчувствием, Пенелопа опустилась на постель. Никто не произносит фразу «нам нужно поговорить», собираясь сказать что-то приятное.

– Звучит зловеще, ваша светлость, – пробормотала она.

– Пен, послушай меня...

– Лучше забыть о том, что сегодня случилось, – в страхе перебила девушка.

Кэм покачал головой и, шагнув к ней, тихо сказал:

– Но я не могу забыть. – Он немного помолчал. – Прости мою самонадеянность, но мне кажется, ты тоже не сможешь.

– Ты видел обнаженных женщин и прежде, Кэм.

– Мы путешествуем бок о бок...

– И это ужасно раздражает, – снова перебила Пенелопа.

Кэмден вскинул руку, призывая ее помолчать.

– Пен, случилось нечто неожиданное. Увидев тебя снова, я...

Он внезапно умолк, и Пенелопа взглянула на него с удивлением. При других обстоятельствах – то есть с другим мужчиной вместо Кэма – она могла бы подумать, что вот-вот услышит признание в любви. Но что же собирался сказать ей Кэмден? И почему он так смутился?..

– Это не может подождать до утра?

Герцог решительно покачал головой.

– Нет, не может. – Он пристально смотрел на Пенелопу, но она ничего не могла прочесть в его зеленых глазах. – Пен, да простит меня Господь... Я не ожидал, что когда-нибудь тебя возжелаю.

Словно росток, потянувшийся к солнцу, радость в душе Пенелопы пробудилась от сна. Но лишь до тех пор, пока холодный цинизм не заставил усомниться.

– Кажется, ты не слишком счастлив, – заметила она с усмешкой.

Кэмден поджал губы.

– Да, верно.

Пенелопа язвительно рассмеялась.

– Стало быть, это не прелюдия к очередному предложению?

Кэмден поморщился.

– У тебя были веские причины для отказа.

Так и есть. И эти причины не утратили своей актуальности.

– Тебе повезло, Кэм. Ты тогда избежал женитьбы.

– Я не настолько нелюбезен, чтобы согласиться с этим утверждением.

Губы девушки дрогнули, и она устремила взгляд на собственные колени, прикрытые подолом фланелевой сорочки. Странно, но более доверительного разговора у них не было за все то время, что они путешествовали вместе.

– Вы никогда не бываете нелюбезны, ваша светлость.

– Перестань язвить. Я пытаюсь сделать то, что будет лучше для нас обоих.

– Ты всегда так делаешь, – проворчала Пенелопа.

– Мы оказались в довольно затруднительной ситуации, – продолжал герцог. – Затруднительной, но не безвыходной.

Пенелопа снова усмехнулась.

– Рада это слышать.

– И я всегда старался поступать как джентльмен. – При этих словах Кэмден еще больше помрачнел.

«Ну конечно...» – со вздохом подумала Пенелопа. Она хотела отпустить еще одну колкость, но все же смолчала, не желая раздражать Кэмдена.

– Вот и хорошо, – кивнула она.

– Поэтому, Пен, мне придется себя сдерживать.

Сердце Пенелопы сдавило болью.

– Потому что я не гожусь тебе в жены? – Ожидание ответа было сродни ожиданию удара.

Кэмден покачал головой.

– Нет, потому что я ухаживаю за другой леди. – Он устремил взгляд на стену, словно украшавшее ее распятие представляло какой-то особый интерес. – По возвращении в Англию я женюсь на леди Марианне Ситон, дочери маркиза Бейлдона.

Глава 8

Гайд-Парк, Лондон, февраль 1828 года

После волшебной встречи в кладовке дома лорда Четуэлла Гарри был слишком взволнован, чтобы уснуть. Слишком взволнован... и слишком счастлив. Возможно, Софи пока еще его не полюбила, но она явно им заинтересовалась. Заинтересовалась до такой степени, что готова была послушаться своего грозного и могущественного брата.

Гарри возвращался домой после бала точно в тумане. При воспоминаниях о поцелуях Софи его кровь начинала бурлить. Ее голос звучал у него в ушах подобно сладостной музыке, и ему казалось, что он по-прежнему вдыхал исходящий от нее аромат.

Гарри потерял голову от любви, а до остального ему не было дела.

Предвкушение новой встречи заставило его встать до рассвета, самому оседлать коня – он был не настолько эгоистичен, чтобы будить слугу, – и поехать в Гайд-парк.

Гарри остановил коня у дерева, откуда прекрасно просматривалась аллея для верховой езды Роттен-Роу. Было какое-то особое удовольствие в том, чтобы стоять здесь туманным февральским утром и ждать появления любимой. Солнце только-только начало подниматься из-за горизонта, пропуская сквозь голые ветви деревьев длинные золотистые лучи.

И вот в этом волшебном свечении наконец-то появилась его Софи, легким движением рук направлявшая великолепную серую кобылу, неспешно скакавшую по аллее. На Софи была темно-синяя амазонка, а залихватски сдвинутая набок шляпка делала девушку еще прекраснее.

Губы молодого человека непроизвольно растянулись в улыбке, а сердце принялось отплясывать джигу.

Софи улыбнулась ему в ответ.

– Мистер Торн, какая неожиданная встреча, – произнесла девушка слишком уж «светским» тоном, дабы усыпить бдительность ехавшего позади нее слуги.

Подавив смешок, Гарри снял шляпу и отвесил столь же «светский» поклон.

– Леди Софи, какая приятная неожиданность!

– В парке так тихо. – Софи лукаво взглянула на молодого человека из-под длинных ресниц. – Вы здесь один?

– Да, один. Может быть, проедемся немного?

– Миледи, я не уверен... – начал было слуга, но его прервал весьма неубедительный смех девушки.

– Мы с мистером Торном – старые друзья, Джонс, – заявила Софи. – Только вчера вечером мы с ним танцевали на балу.

– Хорошо, миледи. – Он поудобнее устроился в седле, не сводя взгляда со своей хозяйки. Было очевидно, что Лит нанял очень бдительного стража.

А ведь Гарри надеялся сорвать еще несколько поцелуев. Да и какой мужчина не питал бы надежды? Однако с первого взгляда ему стало понятно: надеяться можно лишь на короткую благопристойную беседу.

– Вчера был чудесный бал, не правда ли? – Гарри развернул коня, чтобы присоединиться к Софи. В парке могли прогуливаться и другие люди, но Гарри казалось, что они с возлюбленной совершенно одни.

– Мне ужасно понравилось, – ответила девушка, украдкой бросая выразительный взгляд на молодого человека. – Весьма запоминающееся событие...

Гарри невольно улыбнулся, вновь удостоверившись в том, что эта Софи – большая плутовка. Именно поэтому она нравилась ему все больше. При мысли о том, что она будет отдана в жены такому сухарю, как Десборо, к горлу Гарри подкатывала тошнота.

– Мисс Софи, это ваш первый визит в Лондон?

– Нет. Мой брат регулярно приезжает сюда для заседаний в Парламенте, и последние несколько лет он брал меня с собой.

Говорили, что Лит прочили на место премьер-министра, вернее – так было до тех пор, пока финансовые махинации его дяди не запятнали семейное имя. Маркиз, должно быть, кипел от возмущения из-за этих сплетен. И все это случилось благодаря Седжмуру...

Лит наверняка причислил его, Гарри, к сторонникам герцога. Ведь всему Лондону было известно, что Ротермеры и Торны – очень дружны. Несколько лет назад даже поговаривали о браке Кэма и Пенелопы. Только брак этот обернулся бы настоящей катастрофой. Ведь Пенелопа не признавала светских условностей и была чрезвычайно упряма. Кэмден же, напротив, считался образцом сдержанности и благоразумия.

– Наверное, именно это объясняет вашу уверенность в себе. А ведь почти все молодые леди, впервые выходящие в свет, смотрят на все широко раскрытыми глазами...

Софи радостно захихикала.

– Могу сказать, что я теперь стала весьма искушенной. Ведь совсем недавно я увидела даже цирк господина Астлея и зверинец в Тауэре.

На щеках девушки вспыхнул очаровательный румянец, и Гарри почувствовал жгучее желание обнять ее и поцеловать.

Молодой человек бросил взгляд на Джонса, ехавшего позади. Затем, наклонившись к девушке, тихо произнес:

– Мне хочется хотя бы прикоснуться к вам.

Софи вздохнула:

– Я не могу выезжать на прогулку без сопровождения.

– Да, действительно не стоит. В Лондоне великое множество всяких негодяев.

– Включая вас?

– Да, включая меня, – буркнул Гарри. И тут же – специально для Джонса, подъехавшего ближе, – громко произнес: – А остальную часть года вы живете за городом?

– Школу я посещала в Бате. А теперь живу с матерью в Эллоуэй-Чейзе в Йоркшире.

– Ваша матушка не приезжает в Лондон?

– Она не очень хорошо себя чувствует. – Софи взглянула на траурную повязку на рукаве Гарри. – Печально, что вы недавно потеряли кого-то из близких.

– В январе умер мой брат. Странно, что вы не слышали об этом. – Уж если Лит предостерегал сестру против него, то он должен был упомянуть и о финансовых затруднениях Питера; его неумелое управление и без того находившимися в плачевном состоянии делами Торнов грозило семье разорением.

Снова вздохнув, девушка пробормотала:

– Как жаль... Я очень вам сочувствую.

– Благодарю вас. – Гарри взглянул в полные сострадания голубые глаза Софи, и его любовь, уже прочно обосновавшаяся в сердце, стала еще крепче. – Мой брат был замечательным человеком, и он всегда мог пожертвовать собой ради тех, кого любил.

– Наверное, он был чудесным...

– Так и есть. – Внезапно Гарри сказал то, чего никому еще не говорил после смерти Питера. – Из-за его кончины я утратил вкус к удовольствиям, и весь мир стал для меня серым и безрадостным. – «Кроме тех моментов, когда рядом Софи», – добавил он мысленно.

– Я чувствовала то же самое, когда умер отец, – проговорила девушка.

Старый маркиз скончался четыре года назад, и тогда вся Англия скорбела об утрате выдающегося политика, которому, как и теперь его сыну, прочили пост премьер-министра. Гарри же в то время только окончил Оксфорд и предавался развлечениям, добавляя все новые пятна на репутацию своей семьи.

Пытаясь утешить Софи, Гарри протянул к ней руку, но тут же послышалось многозначительное покашливание Джонса. И было ясно, что освободить возлюбленную от зорко следивших за нею драконов будет не так-то просто.

И тут впервые в своей беспутной жизни Гарри захотелось принять вызов судьбы. Осмотревшись, он понял, что день уже вступил в свои права – в парке появились гуляющие. И теперь, чтобы оградить Софи от пересудов, он должен был уехать.

Улыбнувшись, Гарри проговорил:

– Было очень приятно вас повидать.

Девушка наклонила голову с грацией и достоинством знающей себе цену великосветской дамы, коей она рано или поздно должна была стать. Из-под полей ее отороченной бобровым мехом модной шляпки блеснул исполненный томления взгляд, и она тихо сказала:

– Сегодня вечером я отправляюсь на бал к леди Карсон.

– Возможно, я увижу вас там, – ответил Гарри, уже точно зная, что будет на этом балу.

Молодой человек поклонился, прочитав во взгляде Джонса предостережение – стало совершенно ясно: поцеловав Софи руку, он зайдет слишком далеко.

– Приятного вам утра, мисс Софи, – сказал Гарри на прощание.

Горы близ Генуи, начало марта 1828 года

Стоя на террасе гостиницы, Пен смотрела на протянувшуюся внизу линию берега. Ночь выдалась ясная, и девушка отчетливо различала в некотором отдалении очертания Генуи. В гостинице же повсюду стояли горшки с весенними цветами, и после льда и снега это казалось настоящим чудом.

Их с Кэмом утомительное путешествие подходило к концу, и завтра им предстояло отправляться домой. Впрочем, последняя неделя была легче предыдущих. Погода, наконец, смилостивилась над путниками, а дороги в более населенной местности стали гораздо шире и ровнее, чем прежние горные тропы. И даже гостиницы стали более удобными и чистыми, что избавляло Пен от необходимости делить комнату со своим спутником. Но она все еще помнила, как лежала без сна, терзаемая глупой ревностью. А он, растянувшись рядом с ней, тоже не смыкал глаз.

Что же касается женитьбы Кэма, то Пенелопа, конечно, всегда знала, что он рано или поздно женится. И вот теперь, когда его невеста обрела реальные очертания, ей, Пен, следовало бы избавиться, наконец, от своей болезненной страсти. Но, увы, вместо этого ей становилось все тяжелее... А сегодня боль стала совершенно невыносимой, и Пенелопа, едва закончив ужин, бросилась к себе в комнату, чтобы поскорее сбежать от Кэмдена.

И вот сейчас, упершись дрожащими руками в каменную балюстраду, она смотрела в ночь ничего не видящими глазами. В этот вечер на ней было ее любимое платье из шелка цвета морской волны – платье, купленное в прошлом году во Флоренции. Попросив Марию отыскать его среди других нарядов, Пенелопа поняла, чем именно руководствовалась, и выглядело это весьма жалко. Она пыталась выставить себя напоказ, пыталась раздражить Кэма. Но зачем ей это? Ведь он все равно не будет принадлежать ей, как бы сильно она того ни хотела...

Да, она действительно выглядела жалко.

– Беседа со мной пробудила у тебя желание броситься со скалы? – раздался у нее за спиной тихий голос.

Пен медленно развернулась. Конечно же ей следовало догадаться, что Кэм отправится за ней. Освещавшие террасу лампы давали достаточно света, чтобы она могла разглядеть его в тени возле дверей. Кэм тоже постарался одеться нарядно – словно понимал, что эта ночь станет своеобразным прощанием.

Пенелопе ужасно не хотелось путешествовать вместе с ним, и теперь сожаления о том, что их путешествие заканчивается, казались абсурдными.

– Ты говорил не так уж много, чтобы довести меня до самоубийства, – ответила она, пожимая плечами.

Герцог подошел к ней поближе, – и сердце Пенелопы забилося быстрее. «Ох, я и впрямь ненормальная!» – промелькнуло у нее. Кэмден же передал ей один из бокалов с красным вином, что принес с собой, и проговорил:

– Хочу поднять тост за старую дружбу.

И в тот же миг вся колючая враждебность куда-то исчезла, и Кэмден превратился в того добросердечного юношу, которого Пенелопа когда-то знала.

Взглянув на свой бокал, Пенелопа сказала:

– Что ж, за дружбу.

– Наше путешествие подходит к концу, – в задумчивости продолжал Кэмден.

– Но впереди – путь до Англии.

– На «Пустельге» ты защищена от скандала. Я плачу членам команды, чтобы они держали язык за зубами.

Как он, должно быть, хотел брака с леди Марианной... При этой мысли сердце Пенелопы болезненно сжалось. И ей вдруг захотелось вырвать все волосы из прически своей соперницы, без сомнения идеально уложенной. Увы, Пен теперь постоянно думала о выборе Кэмдена. Хотя и без всяких раздумий было ясно, что его невеста красива, благоразумна... и с безупречной репутацией.

– Да-да, за дружбу, – повторила Пенелопа, пытаясь изобразить радостную улыбку, но у нее это не очень-то хорошо получилось.

Слава Богу, Кэм, кажется, не заметил, в каком она была настроении. Отхлебнув из своего бокала, он перевел взгляд на море и вновь заговорил:

– К счастью, мы с тобой все-таки не убили друг друга.

– Но были к этому близки, – заметила Пенелопа.

Кэм внимательно посмотрел на нее и тихо сказал:

– Я желаю тебе добра, Пен. Я всегда желал тебе лишь добра.

Что ж, она это знала. Знала и о том, что ее отказ выйти за него замуж весьма уязвил Кэма и, возможно, даже разгневал. И все же узы прежней дружбы оказались крепче. Слава Богу!

– А я желаю добра тебе, Кэм.

– Что собираешься делать, когда вернешься домой?

– Улажу дела тетки.

– А потом?

Пенелопа пожала плечами.

– Наверное, вернусь в Италию. У меня здесь друзья и много мест, где хотелось бы побывать.

– Значит, ты не останешься в Англии?

Остаться – чтобы видеть его семейное счастье?.. Ни за что на свете!

– Нет, не останусь.

– Элиас и Гарри будут рады твоему возвращению, – заметил Кэмден.

– У них своя жизнь. К тому же они уже привыкли жить без меня.

– Теперь им придется жить и без тебя, и без Питера. – Кэмден вздохнул и добавил: – Прости, мне не следовало это говорить.

Пен с удивлением посмотрела на него.

– Господи, Кэм, ты передо мной извиняешься? Я думала, ты утратил такую способность.

Кэмден поджал губы, однако, оставался спокойным. А жаль... Ей было бы легче бороться со своим влечением к нему, если бы он разозлился. Увы, сейчас на его лице не было ни намека на неприязнь.

– Во время нашего путешествия я был груб по отношению к тебе, – проговорил он со вздохом сожаления.

Пенелопа невесело рассмеялась.

– И теперь, Кэм, ты признаешься в этом?

Выражение его лица не изменилось.

– Ты знаешь, почему так выходило.

– Да, ты говорил.

Развивать эту тему Кэмден, к счастью, не стал. Ох, как же мучительно было сознавать, что Кэм ее хотел, но не мог отдаться на волю чувств.

– Я надеялся, что честность разрядит ситуацию, – добавил он все-таки.

– Увы, этого не случилось, – со вздохом пробормотала Пен.

«Интересно, поцелует ли он меня на прощание?» – подумала она неожиданно. Ведь ей требовалось совсем немного. Всего один поцелуй, который она могла бы запомнить на всю жизнь. Хотя ей и так уже было, что вспомнить.

– Не случилось потому, что ты меня не хочешь? – спросил Кэмден. – Или потому, что хочешь?

Пенелопа вздрогнула и отпрянула, пролив немного вина.

– Кэм, я...

– Господь свидетель, это было бы неправильно. Ведь я ухаживаю за другой женщиной. А ты – сестра моего друга. Мы вместе выросли. – Голос герцога дрогнул, когда он добавил: – Но признайся, что ты меня хочешь. Ибо неизвестность сводит с ума.

Пенелопе ужасно не хотелось все это слышать. Не хотелось отчасти потому, что она, безнравственная, сейчас горела желанием броситься в объятия Кэмдена и умолять его проделать с ней... множество совершенно запретных вещей. Пен отошла к балюстраде, чувствуя, как гулко колотится ее сердце. Ох, она едва не раскрыла Кэмдену свою тайну, хотя и поклялась, что он никогда не узнает о ее любви. А его жалость... она была бы страшнее смерти.

– Кэм, зачем тебе мои признания? Ведь в этом нет никакого смысла...

Он забрал у нее бокал и поставил его на балюстраду рядом со своим.

– Мне нужно знать, вот и все.

– Нет, не нужно, – возразила Пен – и вдруг тихо застонала. Стоявший на продуваемой легким бризом террасе, с непривычно взъерошенными волосами и горящими страстью глазами, Кэмден казался ей сейчас самым красивым из мужчин.

И тут он схватил ее за руку:

– Если бы ты меня не хотела, то так бы и сказала, верно?

Пенелопа прекрасно понимала, что если Кэмден будет продолжать к ней прикасаться, то этой ночью она окажется в его постели.

– Кто-нибудь может увидеть нас, Кэм.

– Мне все равно. Скажи правду, Пен.

– Но какой в этом прок? – спросила она в отчаянии и попыталась отстраниться. – Ты ведь женишься на леди Марианне... – Взгляд Кэма сосредоточился на ее губах, и их закололо так, словно он уже запечатлел на них поцелуй.

– Когда-то я хотел жениться на тебе, Пен.

Сердце Пенелопы наполнилось горечью, и она со вздохом проговорила:

– Хотел, когда считал, что сможешь вылепить из меня все, что тебе угодно. Причем это было до того, как Питер, разорившись, окончательно запятнал и без того небезупречное имя нашей семьи, – разве не так?

Пенелопа затаила дыхание в ожидании ответа; ей ужасно хотелось, чтобы Кэм опроверг это ее утверждение. Однако он конечно же этого не сделал. Он ни за что не стал бы ей лгать, и она одновременно и уважала, и ненавидела его за это.

– Из леди Марианны получится безупречная герцогиня, – сказал он, немного помолчав.

Сердце Пенелопы болезненно сжалось при мысли о том, что Кэм никогда не смог бы сказать того же самого о ней – даже до того, как она начала вести богемный образ жизни.

– Ты ее любишь?

Кэм наконец-то выпустил руку Пенелопы и неодобрительно поджал губы – так случалось всегда, когда кто-то начинал рассуждать о любви.

– Пен, ты ошибаешься, считая любовь залогом счастливого брака.

– А ты ошибаешься, полагая, что это не так.

– Мои родители были влюблены друг в друга, но очень недолго.

– Твои родители навсегда остались детьми, – возразила Пенелопа.

Гневно посмотрев на нее, герцог тихо сказал:

– Ты заговорила на опасную тему...

– Почему же? – Пен пожала плечами. – Ты ведь говоришь со мной откровенно. – Немного помолчав, она продолжала: – Кэм, мне это знакомо... Влечение сулит неприятности, но в этом нет ничего удивительного. Мы с тобой – здоровые взрослые люди и находились бок о бок сутки напролет. Было бы странно, если бы мы не проявили друг к другу интереса.

Губы Кэмдена изогнулись в горькой улыбке.

– Какое простое объяснение...

На какое-то мгновение их взгляды встретились, и Пенелопа вдруг поняла, что Кэм вспоминал, как она стояла перед ним совершенно нагая.

Но потом его лицо вновь стало непроницаемым, и Пенелопа почувствовала себя так, словно Кэм поманил ее к себе, – а затем захлопнул дверь прямо у нее перед носом. И все же она была благодарна ему за то, что он умерил свой пыл. Было бы сущим мучением слышать его признания в том, что он якобы безумно ее желал.

Словно сговорившись, они оба повернулись к морю, которое завтра станет их дорогой домой. Где-то там, внизу, стояла на якоре яхта Кэмдена. И если подует попутный ветер, то они причалят к берегам Англии уже через несколько недель.

Надолго воцарилось молчание. Сначала оно было тягостным и напряженным от едва сдерживаемой страсти, но потом превратилось в нечто более спокойное и милосердное. И таким же спокойным и милосердным стал голос Кэмдена, когда он снова заговорил:

– Пен, почему ты так стремишься отправиться в изгнание? От чего ты бежишь?

«От тебя», – ответила она мысленно. Да, все последние девять лет она пряталась от мужчины, которого любила. Пряталась от того, кто не мог ответить ей взаимностью. Так что следовало признать: несмотря на свою любовь к приключениям, несмотря на роль богемной интеллектуалки, которую ей приходилось играть, она, Пенелопа, ни к чему не стремилась. Такое вот горестное признание...

– Я вовсе не бегу, просто мне нравится такая жизнь, – заявила Пен, пожимая плечами.

Кэмден пристально взглянул на нее.

– Думаю, тебе понравится и в Лондоне.

– Ох, сомневаюсь... – Она покачала головой. – Люди там более консервативны, чем здесь. Английское общество вряд ли примет меня с распростертыми объятиями.

– Я приму.

Не удержавшись, Пенелопа рассмеялась. Только смех этот больше походил на рыдания. Но если она расплачется, то Кэмден сразу все поймет...

– Нет, Кэм, я не брошусь в твои объятия ни при каких обстоятельствах, – сказала она, изобразив улыбку.

Однако Кэм не улыбнулся. Напротив, он казался взволнованным и даже разгневанным. Атмосфера вновь стала тягостной и напряженной, и Пенелопа со вздохом подумала, что так во время их общения будет всегда.

– Пен, я изо всех сил пытаюсь не забывать о том, что я – человек чести, – заявил Кэмден.

Пенелопа молча пожала плечами. Ох, как же ей хотелось – пусть даже и ненадолго – заполучить этого мужчину. И конечно же она могла бы сейчас шагнуть к нему и прижаться губами к его губам. Если она знала мужчин – а в свои двадцать восемь лет она неплохо их изучила, – этот поцелуй сломил бы волю Кэмдена.

– Да, к сожалению, пытаешься не забывать, – прошептала Пенелопа, глядя прямо ему в глаза.

Воздух вокруг них сгустился до такой степени, что, казалось, наполнился гулом, заглушавшим все остальные звуки.

А потом Кэмден вдруг сделал шаг назад и, отвесив поклон, заговорил все с той же прохладной вежливостью, к которой Пенелопа уже успела привыкнуть за время их долгого путешествия.

– Пен, я не стану уподобляться грубиянам и также не стану делать глупости, ведь на кону – репутация моей семьи. Уложив тебя в постель, я докажу, что все мои попытки очистить семейное имя от грязи были напрасны.

Пен прекрасно это знала, но все же его слова причинили боль. Она опустила глаза, чтобы он не заметил, какую глубокую рану нанес.

Тут на террасу вышла еще одна пара, и в голосе женщины слышалась радость – как если бы она увидела хорошую знакомую. Причем говорила она как представительница высших слоев английского общества.

– Мисс Торн, какая приятная и неожиданная встреча...

Глава 9

Прескотт Плейс, Уилтшир, март 1828 года

Она вышла к нему из молодой зеленой листвы – подобно лесной фее. Хотя в женщине, которую Гарри заключил в объятия, не было ничего сверхъестественного, обычная и земная, она источала тепло и страсть.

Он целовал Софи до тех пор, пока у обоих не сбилось дыхание. Наконец, чуть отстранившись, проговорил:

– Тебе все-таки удалось вырваться...

Это его замечание заставило девушку улыбнуться.

– Но ведь ясно, что удалось, – ответила она.

На этой неделе Софи гостила в поместье одного из политических соратников Литла. Несмотря на все его старания, Гарри не удалось сохранить в тайне свои попытки ухаживать за сестрой маркиза, поэтому Литтл решил увезти Софи подальше от Лондона, дабы оградить от слишком уж настойчивого внимания молодого мистера Торна. Переправленная же через служанку Софи записка весьма поспособствовала осуществлению этой тайной встречи.

Гарри вновь поцеловал девушку, и та охотно ответила на его поцелуй; Софи все еще действовала не очень-то умело, но было очевидно, что она уже кое-чему научилась.

– Дорогая моя, как же сильно я по тебе скучал, – срывающимся от волнения голосом проговорил Гарри, подкрепляя каждое слово очередным поцелуем.

До сего момента они поцеловались лишь раз, и желание сделать это снова лишило молодого человека сна и сделало весьма раздражительным. Они ухитрились трижды встретиться в Гайд-парке и дважды потанцевать на балу. А здесь, в полдень, в парке сэра Бертона, им никто не должен был помешать. Гарри поклялся, что не будет терять голову, но после первого же взгляда на возлюбленную забыл о своей клятве.

– И я ужасно без тебя скучала, – прошептала Софи, поглаживая любимого по плечам.

– После нашей последней встречи прошла целая вечность. – Гарри принялся покрывать поцелуями шею и плечи девушки.

Софи тихонько вздохнула и пробормотала:

– Вообще-то – всего неделя.

– Ты с такой легкостью говоришь о моей боли, – прошептал Гарри, не отрывая губ от плеча девушки.

– Я думала о тебе каждую минуту. – Руки Софи скользнули под сюртук молодого человека.

– А я думал о тебе, любимая.

Гарри увлек девушку под тенистое дерево – и тут уж дал волю рукам. Однако же, памятуя о ее невинности, он все-таки не стал прижимать ее к своей возбужденной плоти. Каково же было его удивление, когда Софи, прижав ладони к его ягодицам, подалась ему навстречу.

Гарри вздрогнул от неожиданности и почувствовал, что вот-вот окончательно лишится самообладания. Он смотрел на девушку сквозь подернувшую его глаза поволоку. Страсть окрасила кремовую кожу Софи очаровательным румянцем и затуманила ее прекрасные голубые глаза. Она казалась сейчас необычайно податливой и совсем не походила на робкую златовласую дебютантку, которую он впервые встретил в ночном парке. На Софи было прогулочное платье цвета кобальта, украшенное на груди элементами гусарского костюма. Высокий же ворот платья был уже отчасти растегнут стараниями Гарри.

Прижавшись лбом ко лбу девушки, Гарри вдыхал исходивший от нее аромат. А пахло от нее и впрямь восхитительно – так пахла ранняя весна, пробуждавшая к жизни цветы и все деревья вокруг. И она, эта красавица, сама того не осознавая, пробудила к жизни и его, Гарри...

– Гарри, что с тобой? – В голосе Софи слышалось замешательство.

Молодой человек поднял голову и пробормотал:

– Милая, я пытаюсь вести себя как джентльмен.

Софи улыбнулась, и Гарри заметил, как припухли ее влажные губы.

– В этом нет необходимости.

Гарри глухо застонал. О, неужели ему не удастся сохранить хоть каплю чести и достоинства?

– Конечно, есть необходимость... – проговорил он хриплым шепотом.

Улыбка Софи стала еще шире, а вспыхнувшие в ее голубых глазах огоньки осветили все вокруг чудесными яркими красками.

– Любимая, я должен сдерживаться... – пробормотал молодой человек – и снова впился в губы девушки страстным поцелуем.

Сердце Гарри едва не разбилось о грудную клетку, когда Софи прижалась к нему всем телом и прошептала:

– Но я не хочу сдерживаться. – Она опять вцепилась в его плечи.

Дрожащими пальцами Гарри расстегнул еще несколько пуговиц на вороте ее платья. Он решил, что продвинется чуть дальше, но потом остановится. Оставалось лишь вымалывать у Всевышнего сил, чтобы сделать это.

Однако самообладание едва не покинуло молодого человека, когда лиф платья Софи, спустившийся вниз, явил его взору бусины розовых сосков, натянувшие тонкую ткань сорочки. Гарри со стоном наклонил голову и коснулся губами одного из сосков. Сдавленный крик девушки эхом отозвался у него в ушах. Зная, что приближается к точке невозврата, молодой человек принялся поглаживать грудь девушки. Она громко застонала, и Гарри, повинувшись порыву, потянул вниз кружевной ворот сорочки, обнажая нежную плоть. Реальность оказалась гораздо привлекательнее снов и фантазий. Гарри и днем, и ночью мечтал о нагой красоте Софи с тех самых пор, как обнаружил ее, плакавшую, в саду возле дома лорда Олдхейвена. Он немного отстранился, чтобы насладиться чудесным зрелищем.

– Ты такая красивая... – Гарри с благоговением провел пальцами по молочно-белой коже, затем стал целовать изумительные груди.

Дыхание Софи сделалось прерывистым, и она пробормотала:

– Я всегда чувствую себя красивой рядом с тобой. Такого со мной прежде не бывало.

И сейчас она казалась такой беззащитной и такой беспомощной, что сидевший внутри Гарри голодный зверь тут же был укрощен. Разочарованный и вместе с тем благодарный providению за помощь, Гарри вздохнул и сделал шаг назад. Он любил эту девушку и поэтому сказал правду:

– Ты заслуживаешь того, кто лучше, чем я.

Теперь во взгляде Софи было смятение.

– Я тебе противна?

Сердце Гарри болезненно сжалось, и он в отчаянии воскликнул:

– Господи, Софи, конечно, нет! Ты восхитительна. Само совершенство. Нет, ты ангел.

Дрожащими руками девушка пыталась поправить лиф платья, но замысловатые застёжки не поддавались.

– Ангелы не позволяют мужчинам раздевать их, – прошептала она, потупившись.

– Ты как ангел, Софи, но ты – живая женщина. – Греховно сожалел о том, что не мог продолжить начатое, Гарри помог девушке привести платье в надлежащий вид.

– Слишком уж живая, – пробормотала Софи со вздохом.

– Милая, не будь так строга к себе. В желании нет ничего постыдного, ничего противоземного.

Было слишком рано для громких слов. Ведь они знали друг друга всего несколько недель, а их короткие и нечастые встречи каждый раз грозили обернуться скандалом. Но Софи следовало знать, что он с ней не играл.

– Желание – одна из составляющих... любви, и поэтому... – Девушка внезапно умолкла, и глаза ее широко распахнулись. Глядя на Гарри так, словно впервые увидела, она спросила: – Так ты действительно любишь меня?

Проклятье, неужели она ему не верила?! Заглянув девушке в глаза, Гарри твердо и уверенно проговорил:

– Конечно, я люблю тебя, Софи.

К ужасу молодого человека, любимая не улыбнулась. Более того, она молчала, и от ее молчания на душе у Гарри стало еще тревожнее.

«Неужели я в ней ошибся? – с тоской подумал Гарри. – А может, Софи просто со мной флиртовала? В конце концов, это ее первый сезон, а лесть и комплименты всегда нравятся девушкам. Кроме того... Возможно, Софи коллекционировала разбитые сердца». При этой последней мысли Гарри едва не сделалось дурно.

Молчание стало невыносимым, и он в отчаянии воскликнул:

– Скажи хоть что-нибудь, дорогая!

И тут Софи оттолкнулась от ствола дерева, о который опиралась спиной, и, вскинув подбородок – теперь выглядела, как и подобает юной аристократке, – проговорила:

– Я люблю тебя, Гарри.

Несколько мгновений молодой человек в изумлении смотрел на стоявшую перед ним красавицу. Мог ли он оказаться таким счастливчиком? Но девушка ведь явно не шутила...

Гарри снова заглянул ей в глаза. Господи, она действительно не шутила! Ему почудилось, что сотни ангелов принялись отплясывать в его душе гавот.

Что мог сделать молодой человек, когда обожаемая им девушка признавалась ему в любви? Разве что подхватить ее на руки и слиться с ней в неистовом поцелуе.

В какой-то момент, вынырнув из пучины всепоглощающей радости, Гарри вдруг обнаружил, что лежит на траве поверх возлюбленной, запустившей пальцы в его волосы.

– Нам нужно остановиться, – пробормотал он.

Девушка надула губки и с некоторой досадой ответила:

– Поверить не могу, что в обществе тебя заклеили как отъявленного ловеласа. Знаешь, я разочарована...

Гарри рассмеялся, приподнимаясь на руках.

– Должен ли я пообещать, что буду вести себя как ловелас лишь наедине с тобой и до тех пор, пока смерть нас не разлучит?

Софи замерла, и озорные искорки в ее глазах мгновенно погасли.

– Что... что ты хочешь этим сказать?

Гарри медлил с ответом. Теперь он ужасно занервничал. Судорожно сглотнув, он пробормотал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.